НА ПУТИ ПЕРЕМЕН

МОГУТ ЛИ НАРОДЫ НАУЧИТЬСЯ ПРОЩАТЬ

НА ПУТИ ПЕРЕМЕН

Eliane Stallybrass

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Филип БУББАЙЕР
Денис ДРАГУНСКИЙ
Гасан ГУСЕЙНОВ
Брайан ХЭМЛИН
Майя КОПЕЛЕВА
Павел ЛИТВИНОВ
Майк ЛОУ
Хью НОУЭЛ
Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

НОМЕР ПОДГОТОВИЛИ:

Майк ЛОУ
Раиса БРУК
Таня КОНРАД
Майя КОПЕЛЕВА

Цена Свободная

Адрес редакций:

125 047 Москва,
ул. Тверская-Ямская,
д. 5, кв. 4

12 Palace St
London
SW1E 5JF
Великобритания

СОДЕРЖАНИЕ

3 Моральное перевооружение и прощение в отношениях между народами

17 Встречи в швейцарских Альпах

23 Ирландия и английский вопрос

29 Милован Джилас, все еще борющийся за демократию

31 Прав или не прав, это мой народ

35 Из пережитого: Я замышлял убийство

36 Вера Лашкова говорит с представителем журнала *На пути перемен* о своей вере в Бога

39 Попробуем говорить трезво

41 Чужая вина

43 Научимся ли мы другому языку?

44 Продолжать идентифицировать свои отличия

45 В Освенциме кончилась моя ненависть

На первой странице обложки: «Закат над Гласфордом». Сигне Стронг, Норвегия, от книги «Окна».

ПИСЬМО РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В России, как во многих других странах мира, самым главным сейчас является переход к демократической системе. Структуры и дух демократического правления, как показал опыт, дают возможность защитить личность от произвола, создать атмосферу терпимости и обеспечить приличный уровень жизни. И этому строю присущ ряд проблем. Уинстон Черчилль как-то заметил, что демократия - худшая форма правления, если не считать все остальные.

Огромные достижения науки также наложили свой отпечаток на жизнь человека. За последние десятилетия с громадной скоростью развивается понимание человеком окружающего мира и космического пространства. Вместе с лучшим пониманием приходит и возможность и сила изменить мир. Медицина показала, что может успешно бороться с болезнями. Технологические достижения в области связи и производственной техники значительно улучшили нашу жизнь. Однако, сколь это ни парадоксально, сами эти достижения и успехи порождают свои сложности, поскольку, несмотря на возрастающие по спирали проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, которые нам теперь приходится решать, многие считают, что наука принесет спасение человечеству. Эта надежда превалирует и на Западе и на Востоке.

20-й век свидетельствует сам по себе, что для спасения человечества одной науки недостаточно. Став технологическим гигантом, человек во многих случаях остается карликом в смысле этики и нравственности. Стремясь к похвальной объективности, наука часто решала проблемы, поддающиеся количественной оценке, но тщательно избегала вопросов, касавшихся наших чувств и нравственных ценностей. Однако, не изменившись нравственно, человек будет обречен на вечные войны и взаимную эксплуатацию.

Одно из последствий полного доверия к научным методам заключается в том, что мы считаем механику демократии более легко поддающейся изучению и количественному подсчету, чем ее дух. Но мы ни в коем случае не можем допустить пренебрежения к более глубоким вопросам. Политика и экономика неотделимы от духовного состояния народа.

Эта идея не нова. Философы русского религиозного ренессанса это хорошо понимали. Они интерпретировали материалистические и тоталитарные структуры 20-го века как плод глубоко духовной болезни. Они предложили создать связь между политическим и духовным и пришли к выводу, что, если народ тяжело болен духовно, здоровая политика невозможна.

Именно с этой точки зрения журнал *На пути перемен* смотрит на мир. За последние пять лет мы старались создать свою философскую группу, а также стали печатать рассказы людей, решивших поделиться своим опытом, который мог бы помочь тем, кто стремиться разрешить духовные и политические проблемы наших народов.

Два года назад мы издали первый выпуск нашего журнала на русском языке. Мы назвали его тогда *Ради перемен*, поскольку так называется по-английски наш журнал *For A Change*. Мы получили множество писем от наших русских читателей с просьбой об информации и с предложениями помощи в опубликовании этого следующего выпуска. Второй выпуск представляет подборку новых материалов и статей, опубликованных уже на английском языке. Материалы, присланные нашими русскими друзьями, касаются задач и проблем, стоящих перед Россией и ее соседями в этот период перехода к новому обществу.

Основная статья в этом номере (автор Брайан Хэмлин) была написана до распада Советского Союза и первоначально опубликована в журнале «Дружба народов». Здесь мы печатаем ее несколько измененный вариант. Она посвящена необходимости прощения и примирения на политической арене. Касается она и истории движения Моральное перевооружение, и накопленного им опыта, который и побудил нас начать издавать журнал *На пути перемен*.

МОРАЛЬНОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ И ПРОЩЕНИЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НАРОДАМИ

ВВЕДЕНИЕ

Порой бывает нелегко сохранять оптимистический взгляд на будущее человечества. В первом десятилетии нынешнего века были сделаны открытия, предвещавшие радикальный переворот всего человеческого бытия - были изобретены первые летательные аппараты, а в тихой патентной конторе в Берне молодой Эйнштейн уже работал над своей теорией относительности. Между тем этническая и национальная ненависть, сотрясавшая тогда Белфаст и Сараево, продолжает устрашать людей и поныне. Столетие невиданного научного прогресса стало свидетелем беспримерных кровавых раздоров.

Джозеф Конрад еще в 1922 году писал, что нигде, ни в книгах, ни в общении с людьми, он не встретил ни одного убедительного довода, который мог бы развеять его серьезное опасение, что мир роковым образом скатывается к катастрофе... Единственное спасение для человечества он видел в изменении людских душ. Но, оглядываясь на двухтысячелетний период истории, он не находил особых оснований ожидать, что это действительно может произойти, даже несмотря на то, что человек начал летать. Человек летает не как орел, а как жук,- считал Конрад.

В течение всего века пропасть между нашей научной искушенностью и нашей моральной незрелостью продолжала расширяться. Тот факт, что не только прогресс, но и само существование человечества оказались под угрозой гибели из-за пещерных страстей трайбализма, вызывает смятение.

Человечество обязано, набравшись мужества, заглянуть наконец в бездну человеческих страстей - ненависти и любви, мстительности и способности к прощению. В работах по психиатрии много пишут о чувстве мести и его влиянии на человека, но о прощении - почти никогда. А оно заслуживает серьезного внимания. Точнее, взаимосвязь между прощением и покаянием. Эту проблему следует

Брайан Т. Хэмлин родился в Англии в 1940 году. В 1962 году окончил Бристольский университет по специальности микробиология, в 1966-м защитил кандидатскую диссертацию по микробиохимии, после чего полностью посвятил себя работе в движении «Моральное перевооружение», сначала в Великобритании (1966-71), затем в Канаде (1971-76). Его жена Анна - американка, и с 1977 года они вместе с двумя детьми живут в Бостоне, штат Массачусетс. Хэмлин много путешествует по делам «Морального перевооружения», бывал в большинстве европейских стран, в Индии, на Ближнем Востоке. Шесть раз приезжал в Россию.

извлечь из-под спуда и тщательно исследовать, покаяние-прощение должно стать практикой людских взаимоотношений на всех уровнях. Если мы будем по-прежнему игнорировать роль морального и духовного факторов в природе человека, человечество будет все дальше и дальше сползать в хаос, все ближе и ближе подходить к краю пропасти. Но если мы совершим этот радикальный духовный переворот, катастрофу можно предотвратить.

В этой статье я расскажу о том, чему сам был

свидетелем, - о попытках пробудить способность к прощению и покаянию не только в отдельном человеке, но и в народе.

В книге *Ночь новолуния* Лоренс ван дер Пост описывает страшный военный опыт своего пребывания в лагере для военнопленных на Яве и приходит к выводу, что надежду на будущее дает единственно лишь всепрощение к народам, с которыми мы воевали. Лагерный опыт убедил его в том, что прощение - не только религиозное чувство, это такой же основной закон человеческого духа, каким является закон гравитации для физических тел. Пренебрежешь законом гравитации - сломаешь шею, пренебрежешь законом прощения - нанесешь смертельную рану собственной душе и окажешься в стане тех, кто подталкивает жизнь на Земле к концу, которого она столь долго и мучительно старается избежать.

Простить того, с кем вел борьбу не на жизнь, а на смерть, несказанно трудно. Но, как считает ван дер Пост, сделав это, человек осознает, что не сможет изменить окружающую действительность, перекраивая границы, меняя общественный строй, законы, способы принуждения и представления о справедливости, - путь лежит только через изменение самого себя.

Я столкнулся с подобными взглядами в свой первый студенческий день в 1959 году. Я был сыном сварщика и первым в нашем роду человеком, поступившим в университет. Мы болтали с приятелем о политике за чашкой кофе. Я считал, что правительство погрязло в коррупции, и что всем нам грозит гибель в предстоящей ядерной войне. Мой новый знакомый вдруг озадачил меня неожиданным высказыванием: «Если хочешь, чтобы мир стал другим, начни с того, чтобы попытаться стать другим самому». «Нелепость какая-то», - подумал я, а он продолжал: «Это же очень просто - нужно лишь честно признаться самому себе, в чем был не прав, и постараться исправить ошибку». Как только ты это сделаешь, убеждал он, ты как бы запустишь цепную реакцию и увидишь, что мир вокруг действительно меняется. Он сказал, что впервые понял это на конференции в Швейцарии, в горной деревушке Ко. Там находится Центр движения, которое называется Моральное перевооружение, и туда приезжают его сторонники со всего мира. В этом движении нет официального членства, никто не платит взносов. Единственным «вступительным взносом», необходимым, чтобы приобщиться к всеобщим усилиям что-то изменить в этом мире, является желание и готовность начать с самого себя. Это эгалитарное и демократическое движение, поскольку любой человек - богатый и нищий, знаменитый и незаметный - любой обязан, включаясь в движение, начинать с изменений в собственной душе. Для этих людей нет ничего более чуждого, чем стремление переделать мир извне.

Хотя звучало все это весьма идеалистично, на меня произвела впечатление мысль, что молодой человек из рабочей среды, такой как я, тоже может способствовать совершенствованию общества. Кстати, Моральное перевооружение и родилось в 1938 году в сердце рабочей Англии - в Ист-Хэм-таун холле, в Лондоне, колыбели британского рабочего движения. Инициатором его был американец Фрэнк Букман (1878-1961). Движение с тех пор распространилось по всему миру.

Той весной, в 1938 году, Европа находилась в кризисе: влияние нацистской Германии росло, в марте произошла гитлеровская аннексия Австрии. Западные демократии начинали осознавать, что перед лицом фашистской угрозы необходимо перевооружиться. Перевооружение стало ведущим лозунгом времени. В своей короткой речи в Ист-Хэм-таун холле Букман впервые выдвинул идею всемирной мобилизации моральных и духовных сил и необходимости их вооружения объединяющими принципами и философией.

«Враждебность разделяет нас на нации, встает между трудом и капиталом, между классами. Цена ожесточения и страха растет с каждым днем... Нынешний кризис в основе своей - кризис морали. Вот почему народы должны морально перевооружиться. Моральное здоровье - базис будущего здоровья экономического... Как же ускорить моральное выздоровление народов? Этот процесс начнется тогда, когда каждый осознает свои собственные ошибки вместо того, чтобы сосредоточиваться на чужих...

«Мы построим новый мир» - не об этом ли мечтает каждый простой человек? Допустим, люди проявят для этого необходимую активность. Но хватит ли всем всего на земле? Чтобы каждый имел все необходимое, хватит, но чтобы насытить людскую алчность - никогда. Наша цель состоит в том, чтобы не только удовлетворить по возможности жизненные потребности человека, но чтобы человек активно включился в движение морального перевооружения. Мы можем, должны и мы создадим моральную и духовную силу, достаточно могущественную, чтобы изменить мир».

В студенческие годы меня привлекала дерзость намерения «переделать мир». Но, начав серьезно размышлять, я понял, что переделывать следует прежде всего себя самого, и что это процесс болезненный. Приятель предложил мне для начала попытаться оценить свои поступки с точки зрения абсолютных моральных ценностей - честности, порядочности, бескорыстия и любви - чтобы понять,

где я оступался. Более того, продолжал он, никто не сможет сказать тебе, что именно следует в себе изменить: ты должен сам определить это, сверившись с собственным «внутренним компасом». Несмотря на мою юность, а быть может, именно в силу ее, у меня были уже некоторые осложнения в жизни. Незадолго до поступления в университет я в ссоре ударил отца. Теперь, в результате определенной душевной борьбы, я нашел в себе силы извиниться перед отцом за нанесенное ему оскорбление и за то, что испытывал чувство превосходства над ним как человек более образованный. Этот простой, в общем, эпизод подтолкнул меня к решению в меру возможностей постараться привнести в окружающий мир необходимые изменения. И вот уже 30 лет я занимаюсь этим вместе с людьми разных стран и континентов, объединенных в движение Моральное перевооружение».

К сожалению, многие представители церкви осуждали наше движение за то, что мы используем христианские принципы в политической сфере. Это, с их точки зрения, неверно. Букман на это возражал: «Сильное религиозное переживание способно изменить человека, его внутренний мир, но оно способно изменить и нацию. Религиозный опыт должен как никогда прежде быть активно использован, поскольку он дает возможность преодолеть предрассудки, подняться над личной точкой зрения, понять то, что инстинктивно ощущается каждым». Спустя десятилетия венский кардинал Франц Кёниг развил мысль Букмана: «Великое значение его идеи состоит в сделанном им выводе, что учение Иисуса Христа - не только личное дело отдельного человека. Оно обладает могучей силой, способной изменять целые общественные структуры, влиять на экономику и политику, если мы будем стремиться к этим внешним переменам, одновременно трудясь над собственной душой. В этом смысле его подход к религии совершенно нов». Идеи Букмана, быть может, близки идеям некоторых русских философов конца XIX века, таких как Владимир Соловьев; они, можно сказать, являются практическим воплощением и международной версией соловьевской концепции «всеединства».

Попытка внедрить моральные и духовные ценности в отношения между народами вскоре привлекла внимание идеологов-материалистов как правого, так и левого толка. Во время войны гестапо подготовило доклад о деятельности Морального перевооружения, в котором говорилось: «В то время, как мы (нацистская партия - Б.Х.) предпринимаем усилия, чтобы освободить людей от христианского представления о грехе, которое считаем причиной рабской покорности Германии, это движение, англо-саксонское по происхождению, распространяет идею

Фрэнк Букман

признания греха как отправной точки изменения взаимоотношений между народами».

После войны на Моральное перевооружение (МПВ) обрушилось Московское радио и различные советские средства массовой информации. Позднее, в 1963 году, журнал «Коммунист» писал, что МПВ является, вне всяких сомнений, наиболее известной ассоциацией, претендующей на то, чтобы спасти западную цивилизацию от коммунизма. Журнал сообщал, что движение имеет представительства в Европе, Азии и Америке, устраивает съезды в Латинской Америке и даже организует панафриканские конференции. Лидеры МПВ утверждают, что проповедуемые ими идеи выше идей капитализма и коммунизма. В то время когда буржуазная мораль обнаружила свое банкротство, продолжал журнал, пророки МПВ говорят, что мир нуждается в идеологии, которая удовлетворила бы стремление человека к абсолютным ценностям, в идеологии, способной тронуть сердца как сильных мира сего, так и простых людей. Не так давно они обратились через прессу к коммунистам с призывом принять участие в «величайшей революции всех времен». Эти люди утверждают, что дело не в капитализме или коммунизме, а в необходимости изменить до основания человеческую природу. Они лопаются от гордости, иронизировал журнал, и даже предлагают марксистам пересмотреть свои взгляды и воспринять идеологию, которая годится для всех. Вот уж поистине смелый выпад со стороны пропагандистов примирения и всепрощения.

КО: ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ

Примирение и прощение действительно были в центре внимания на конференциях МПВ, которые оно устраивало в послевоенные годы в своем Центре в швейцарской деревушке Ко. Когда стало ясно, что война подходит к концу, многие швейцарцы поняли, что необходимо место, где люди разных национальностей могли бы собираться вместе и обсуждать проблемы строительства мира. Они-то и устроили свой Центр в заброшенной гостинице, которая во время войны служила приютом для беженцев. Горный дом в Ко открыл свои двери вновь в июле 1946 года.

В оккупированной немцами Европе сторонников МПВ часто ловили и сажали в тюрьмы. Некоторые из них погибли в концентрационных лагерях, еще больше - пали на полях сражений в рядах союзнических войск. Эмоции были накалены до предела. Тем не менее, прибыв в Ко в то лето, Букман сразу же спросил: «А где немцы?» - он считал, что новая Европа без них невозможна. В сентябре прибыли одиннадцать немцев. Это были специально подобранные люди, известные своим антифашистским прошлым и имеющие разрешение от военных властей участвовать в конференции и по ее окончании вернуться в Германию. Начинался чрезвычайно важный процесс. За первые послевоенные годы на конференциях в Ко побывало четыре тысячи немцев.

Следующим летом, в 1947 году, в Ко приехала Генеральный секретарь французской организации женщин-социалисток и депутат Национального собрания Франции Ирэн Лор. Она была активной участницей Сопротивления, ее сын был замучен в застенках гестапо. Она жгуче ненавидела немцев и считала, что все они несут ответственность за ужасы войны и оккупации. Через несколько дней после нее в Ко прибыли 150 немцев. Как и многие другие присутствовавшие французы, она встала и вышла из зала, когда на трибуну поднялся немецкий представитель. А потом ее познакомили с Клариттой фон Тротт, вдовой Адама фон Тротта, казненного нацистами после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Госпожа фон Тротт выразила сожаление, что противники Гитлера предприняли попытку покушения слишком поздно и не были достаточно подготовлены. Встреча с немкой, пострадавшей от нацистов, помогла Ирэн Лор начать преодолевать дистанцию, отделявшую ее от немцев. После тяжелой душевной борьбы она попросила слова на пленарном заседании и сказала: «Я так ненавидела Германию, что желала, чтобы она была стерта с карты Европы. Но я убедилась, что была не права в своей слепой ненависти. Я хочу попросить прощения у всех присутствующих здесь немцев».

Одним из этих немцев был Петер Петерсен, впоследствии известный деятель западногерманского Бундестага. «Я был ошеломлен, - признался он. - Отвага этой женщины перевернула все мои представления. Мои друзья и я поняли, что она указала единственно возможный для Германии путь, если наша страна хотела участвовать в восстановлении Европы».

Позднее Ирэн Лор совершила одиннадцатинедельную поездку по Германии, выступив более чем на двухстах многолюдных собраниях с посланием о прощении и призывом к сотрудничеству. Она участвовала в заседаниях десяти из одиннадцати земельных парламентов Западной зоны. Спустя 35 лет, в 1982 году, Ирэн Лор вспоминала о той первой для нее конференции в Ко, на которой присутствовал Букман: «Его жизнь находилась в полном согласии с его убеждениями. Он вселял в вас чувство уверенности, что, поверив в необходимость самоперестройки, вы можете стать действующей силой в преобразовании мира... Для этого необходимы гибкость ума и души. В его философии есть что-то от марксизма, но его идея выше, поскольку она движима любовью».

Эта всеобъемлющая философия тронула и сердца немцев, приехавших в Ко. Конрад Аденауэр посетил Ко в 1948 году, вскоре после того, как стал президентом парламентского совета трех западных зон. Приезжали из Германии и многие марксисты. Активист партии, шахтер Пауль Куровски сказал: «Двадцать шесть лет я с огромной сердечной искренностью пел «Интернационал», но здесь я впервые увидел его в действии».

Другой шахтер, Роберт Вегерхоф во время войны был взят в плен Красной Армией. Когда стало известно, что он - член Коммунистической партии Германии, его направили на учебу в партийную школу в городе Сталино (Донецк). Именно там он впервые услышал о Моральном перевооружении - его предостерегали от контактов с этим «христианским движением». Однако по возвращении в Германию в 1946 году он познакомился с норвежцем, участником МПВ, который жил у его родителей, - отец Роберта, марксист, стал к тому времени убежденным сторонником новых для него идей. Вегерхофа это заинтересовало. «Затем, - как он сам рассказывал, - произошла встреча, которая оказалась для меня решающей. Я познакомился с французским евреем. Большинство членов его семьи погибли в немецком концентрационном лагере. Я испытывал страшное напряжение, готовясь услышать проклятия в адрес моего народа. Но ничего подобного не услышал. Он говорил лишь о собственных ошибках и ошибках, допущенных его страной. Радикализм, воспитанный гитлеровской пропагандой, все еще не был изжит во мне, даже в России я не смог преодолеть его. Макс, мой французский друг, был таким же человеком, как и я, с теми же пороками и слабостями. У нас было много общего, но он нашел силу, которая помогла ему

Ирэн Лор и Роберт Шуман в Ко в 1953 году

избавиться от ненависти, казавшейся неизбывной. Эта-то сила и являлась инструментом преобразования общества, который имеет для сторонников МПВ главенствующее значение. Я вдруг увидел ограниченность сугубо материалистической идеологии, которая не способна излечить от эгоизма и ненависти».

Норвежцем, который жил у родителей Вегерхофа, был писатель Лейф Ховельсен. Во время войны Ховельсен участвовал в Сопротивлении, его схватили, пытали и приговорили к смертной казни, которой он два года ждал во второстепенном концентрационном лагере Грини. Несмотря на это, он, как и Ирэн Лор, вдохновившись идеями МПВ, отказался от ненависти к немцам и пропагандировал теперь эти идеи в Германии. Ховельсен провел в Германии восемь послевоенных лет и стал посредником в первых встречах между представителями норвежского и германского правительств. Спустя много лет он подружился с академиком Андреем Сахаровым.

АНАЛИЗ

Каков принцип, лежащий в основе философии МПВ? В том, что один человек просит прощения у другого, нет ничего удивительного. Большинство людей на практике убеждаются в том, что это необходимо, чтобы поддерживать нормальные отношения между собой. Раскаяние является одним из постулатов любой религии. Следующий этап - применить тот же подход к группе людей и к целым нациям. Чтобы это осуществить, и проводятся постоянные встречи между представителями разных стран и этнических групп.

В 1958 году французский философ Габриель Марсель описал, как это происходит, основываясь на собственном опыте участия в конферециях в Ко. «Что поразило меня прежде всего, это то, что здесь всемирное и личное соединилось самым неожиданным образом. Мы увидели, как мир, этот необъятный мир, становится единой семьей... Впервые в жизни я наблюдал, как формируется сознание истинной всеобщности. Как? Посредством общения. В моей философской системе общение всегда играло заметную роль. И здесь я на каждом шагу встречал подтверждение своим убеждениям».

Он примкнул к МПВ потому, по его собственным словам, что это была «первая серьезная попытка создать мировое сообщество». Марсель издал две книги, в которых собраны документальные свидетельства эффективного распространения идей МПВ в мире.

Не так давно ученые, занимающиеся психологическими аспектами политики и общественной

жизни, а также некоторые профессиональные дипломаты начали изучать роль различных неправительственных организаций, подобных МПВ, в деле сохранения мира. Второй том «Психодинамики международных отношений» (под редакцией Волкана, Монтвилла и Джулиуса) посвящен «Неофициальной дипломатии в действии». В нем Джозеф В. Монтвилл, один из основателей Международного общества политической психологии, в прошлом профессиональный дипломат, работавший в госдепартаменте США, описывает ощущение себя как жертвы, свойственное многим этническим группам. Монтвилл пишет: «То, что люди чувствуют себя жертвами и, обороняясь, готовы к насилию, делает любые дипломатические шаги бессильными разрешить их проблемы. Нужны из ряда вон выходящие обстоятельства, чтобы ощущение себя жертвой лишь чуточку ослабело - это глубокий психологический сдвиг». И далее Монтвилл описывает опыт Ирэн Лор в Ко, а также некоторые другие случаи, имеющие отношение к деятельности МПВ, как примеры такого глубокого психологического сдвига.

Результатом его может быть примирение. Но еще более глубок психологический процесс взаимодействия между прощением и покаянием. Прощение со стороны жертвы может стимулировать покаяние со стороны притеснителя и наоборот. Знаменательно, что гораздо чаще инициатива здесь принадлежит жертве. Может показаться, что преодолеть ненависть легче, чем мужественно признать горькую правду о себе или о группе, к которой принадлежишь. На самом же деле эти движения человеческой души и разума сугубо индивидуальны. Их нельзя исследовать с помощью статистики или уложить в какую бы то ни было схему. Тем не менее политические психологи и дипломаты все больше и больше склоняются к тому, что без процесса прощения-покаяния между группами, замешанными в конфликте, сегодня едва ли возможно развязать намертво затянутые узлы, такие как Северная Ирландия или Израиль - Палестина.

Следует подчеркнуть, что после того, как устраняется или хотя бы ослабевает непримиримая враждебность, политические и экономические проблемы поддаются решению в процессе переговоров. МПВ видит свою задачу в том, чтобы сподвигнуть на переговоры тех, от кого зависит в конце концов улаживание конфликта, чтобы подготовить их к подобного рода переговорам или, по крайней мере, пробудить желание вести их. Таким образом, это работа, как бы предваряющая официальные дипломатические усилия, редко принимающая форму собственно переговоров, чаще ведущаяся частным образом, за сценой, на обоих флангах конфликта, чтобы подготовить стороны или внедрить в них осознание необходимости переговоров.

Как показывает Монтвилл, лидеры нации редко признают (хотя, как увидим, это не вовсе уж невозможно) прошлые злодеяния в истории своих народов. Однако, как мы имели возможность убедиться на примере Ирэн Лор (которая была депутатом) и Лейфа Ховельсена (журналиста), отдельные представители тех или иных стран могут принять ответственность на себя. Открыто заявляя о прощении или раскаянии, такие люди становятся выразителями нового мышления и формируют новый образ своего народа. Как считает Монтвилл, «осознанно принять на себя ответственность и просить о прощении могут не обязательно лидеры высокого ранга, но также и люди, которые пользуются или завоевывают доверие и уважение своих лидеров».

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

Вернемся к примеру послевоенной Германии. В приведенных выше примерах инициативу в восстановлении отношений с немцами взяли на себя мужчины и женщины, пострадавшие от их рук. Этот мужественный акт прощения обезоружил немцев и помог им избавиться от преследовавшего их чувства вины и постоянной готовности защищаться. Способность простить конкретных людей распространилась впоследствии и на весь народ. (В октябре 1948 года 260 активистов МПВ отправились в Германию для проведения этой деликатной и кропотливой работы.) Разумеется, Моральное перевооружение не было одиноко в своих усилиях построить в послевоенной Европе мосты между бывшими врагами. Очень важны были акты покаяния, осуществлявшиеся немцами, например, Штутгартская декларация вины, провозглашенная пастором Нимоллером.

В 1951 году, спустя два месяца после подписания Францией и Германией плана Шумана, канцлер Аденауэр писал Букману: «В последние месяцы в результате трудных переговоров мы пришли к очень важному международному соглашению. Моральное перевооружение сыграло незаметную, но действенную роль в сглаживании разности позиций сторон».

Роберт Шуман, министр иностранных дел Франции (1948-53) и Жан Монне были архитекторами плана Шумана, предусматривавшего формирование европейского угольного и сталелитейного сообщества - первой ступеньки к созданию всеобъемлющего общеевропейского сообщества. Шуман написал предисловие к собранию речей Букмана, в котором сказано, что если бы Букман был автором новой системы общественного благоденствия или любой другой теории, он наверняка завершил бы свой путь

скептиком, но Моральное перевооружение, напротив, «представляет собой философию деятельной жизни». Затем он кратко излагает программу МПВ: «Начинать с создания морального климата, в котором могло бы процветать истинное братство... Ставка на мудрость и здравый смысл... Объединение людей в сообщества... Создание команд хорошо обученных людей, готовых служить апостолами умиротворения и строителями нового мира. Все это - лишь начало долговременного процесса преобразования общества, в котором первые шаги к будущему уже сделаны».

Ключевые фигуры послевоенного развития - Аденауэр, Шуман и Букман. Генри Рибен, директор Института европейских исследований в Лозанне, пишет: «Я никогда не забуду, сколь многим обязана Европа диалогу и сотрудничеству между Фрэнком Букманом, с одной стороны, и Конрадом Аденауэром и Робертом Шуманом, с другой, в решающие послевоенные годы».

КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Сегодня Моральное перевооружение стабильно и активно действует более чем в пятидесяти странах на всех континентах. Следует подчеркнуть органичность национальных движений МПВ: не поступаясь основными принципами, они приспосабливают идеи МПВ к специфическим условиям своих стран. У движения нет ни руководящих, ни исполнительных международных структур. МПВ не связано с какими бы то ни было правительственными или религиозными институтами. Сама мысль о создании таких структур свидетельствовала бы о непонимании сущности движения как движения духовного. Нельзя руководить личной инициативой и организовывать ее. Однако на практике она ведет к активнейшему добровольному сотрудничеству, пересекающему государственные границы. Люди самого разного происхождения и национальной принадлежности охотно собираются вместе по первому же зову, если их индивидуальный опыт может быть где-то полезен (например, в Южной Африке или Центральной Америке), и если население этих горячих точек взывает о помощи. Чтобы облегчить проведение таких встреч, Центры МПВ созданы в Швейцарии, Индии, Англии, Зимбабве, Австралии и Бразилии.

Далее я приведу несколько примеров того, как принципы МПВ успешно прошли испытание в разных культурных средах и кризисных ситуациях за последние сорок лет. В большинстве случаев результаты работы активистов МПВ вполне реальны. В некоторых, как, например, в Северной Ирландии, их усилия не увенчались разрешением конфликта. Недавно, однако, лидер североирландского сообщества передал через меня благодарность МПВ за позицию и усилия, которые движение предприняло в Ирландии за последние сорок лет. Надеюсь, читатель согласится, что то, о чем мы толкуем в этой статье, есть качество жизни. Средства так же важны, как и цели; существование так же важно, как деяние. Газеты сообщают о срывах и провалах в нашей жизни. Моя задача - рассказать о достижениях там, где они есть.

ЯПОНИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

После второй мировой войны небольшая группа японцев, которые знали о Моральном перевооружении еще до войны и которые пострадали за свои демократические убеждения от фашистского правительства в период войны, обратились к МПВ за помощью. К лету 1950 года МПВ сумела организовать поездку шестидесяти новых японских лидеров в Европу и Соединенные Штаты. Делегация включала семь руководителей префектур, парламентских деятелей, представляющих все ведущие партии, промышленников и рабочих лидеров, мэров четырех городов, включая Хиросиму и Нагасаки. Прежде чем отправиться в Соединенные Штаты, делегация посетила Ко и ряд стран Европы. Поэтому до прибытия ее в Вашингтон у МПВ была возможность поработать с делегацией.

В Вашингтоне японцев принял вице-президент Баркли, который пригласил депутата Кохиро Куриряму, как личного представителя премьер-министра, выступить перед членами сената. Курияма начал свою речь словами: «Мы искренне сожалеем, что Япония нарушила почти столетнюю дружбу между нашими странами. Несмотря на эту большую ошибку, допущенную нами, великодушное прощение и щедрость Америки... помогают Японии возродиться».

На следующий день, 19 июля, газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье писала, что японцы принесли свои извинения, хотя не прошло еще и пяти лет с тех пор, как на Японию были сброшены атомные бомбы. «Среди вчерашних гостей были мэры Хиросимы и Нагасаки... На какой-то момент присутствующие из тьмы нынешнего существования прозрели грядущее, в котором все люди будут братьями». А популярный журнал «Сатердей ивнинг пост» выразился менее возвышено: «Мысль о том, что целый народ может признавать свои ошибки, действует освежающе... Быть может, даже американцы найдут в своем прошлом один-другой повод, чтобы сказать - «Пожалуй, в тот раз мы вели себя не совсем по правилам».

«Не совсем по правилам?» Потребовалось еще 40 лет, чтобы США заплатили наконец репарации 120 тысячам американцев японского происхождения или их наследникам за насильственное переселение и интернирование во время второй мировой войны. Однако, выступая в 1990 г. в министерстве юстиции на церемонии восстановления в правах, Генеральный прокурор Ричард Торбур сказал: «Признавая в конце концов ошибку, которую совершил когда-то, народ не вредит себе, а скорее подчеркивает свою искреннюю преданность Конституции, а следовательно, и самому себе».

В пятидесятые годы идеи Морального перевооружения продолжали оказывать влияние на деятельность высшего эшелона японских властей. Госпожа Сидзу Като, например, много лет была депутатом японского сената от Социалистической партии и членом сенатского комитета по международным отношениям. Господин Ниро Хошияма был видным членом Либеральной партии, а затем стал спикером нижней палаты парламента. Эти и другие политические деятели, разделявшие идеи МПВ, работали для достижения международного примирения, побуждая в первую очередь свою страну признать несправедливость былых деяний в отношении стран-соседей. В апреле 1957 года эти два японских политика встретились с представителями властей Южной Кореи на конференции МПВ в Багио (Филиппины). Отношения между странами были чрезвычайно напряженными. Вот выдержки из стенограммы заседания сенатской комиссии по международным делам от 30 апреля. На заседание был приглашен премьер-министр Нобусукэ Киси.

Сенатор Като: Чрезвычайно важно решить деликатнейший вопрос о переговорах между Японией и Кореей. Сейчас перед нами тупик, и я хотела бы знать, как собирается выходить из него премьер-министр... В Багио мы с господином Хошиямой принесли наши извинения за прошлое. Это тронуло корейцев, они даже стали говорить по-японски... хотя до этого отказывались. Мы с господином Хошиямой обещали, что по возвращении сделаем все от нас зависящее, невзирая на партийные разногласия, чтобы решить два основных вопроса, делающих переговоры пока невозможными... Надеюсь, господин премьер-министр, что здесь, в этой комиссии, вы скажете об искреннем желании решить их и выразите сожаление по поводу куотского заявления (оскорбительного для Кореи), в котором явно содержалась мысль о превосходстве японского народа.

Премьер-министр Киси: Что касается выступления госпожи Като по поводу нормализации японско-корейских отношений, я всей душой согласен с каждым ее словом... Нам давно следует отказаться от давних притязаний и попытаться честно, смирив гордыню, решить конкретные проблемы. И наиболее важный здесь момент - не толкование тех или иных законов и деклараций, как считает госпожа Като, важнее всего сделать так, чтобы наши народы поверили в возможность духовного взаимопонимания. И в этом мы должны взять на себя инициативу. Что же касается куотского заявления, то я, не колеблясь ни секунды, отказываюсь от него.

Киси говорил искренне, и выход из тупика был найден. Потребовалось еще несколько лет, чтобы утрясти все конкретные вопросы и подписать наконец договор между Японией и Южной Кореей. И все эти годы люди, имевшие отношение к Моральному перевооружению, активно работали для достижения цели.

В тот же год (1957) премьер-министр Киси отправился в большое турне для «наведения мостов» по Филиппинам, Австралии, Новой Зеландии и шести другим странам Юго-Восточной Азии. Сенатор Като и другие считали, что прежде чем приступать к делу, следует проложить дороги. По окончании поездки в докладе кабинету министров Киси отдал должное «полезной и ответственной деятельности по всей Юго-Восточной Азии множества людей, связанных с МПВ». Он сказал, что эти люди поддержали его усилия, направленные на восстановление доверия. Итоги поездки Киси вызвали интерес во всем мире. «Вашингтон ивнинг стар», например, писала 18 декабря: «Премьер Киси возвратился в Токио, завершив самую необычную миссию, когда-либо выполнявшуюся государственным деятелем такого ранга. За последние три недели он посетил не менее девяти стран, которые были оккупированы или подверглись нападению Японии. И в каждой из них он публично принес извинения за действия своей страны во время войны».

В сегодняшней, совершенно изменившейся Японии МПВ продолжает содействовать поддержанию добрососедских отношений Японии с государствами Юго-Восточной Азии. Сейчас, например, движение организует серию обменов визитами между наиболее влиятельными японскими промышленниками и их главными торговыми партнерами. В своем послании к участникам конференции 1986 года в Ко премьер-министр Накасоне, вспоминая о том, что сам входил в ту историческую делегацию 1950 года, писал: «МПВ оказалась очень полезной в деле возвращения Японии в семью народов, а в следующее десятилетие МПВ сыграла чрезвычайно важную роль в восстановлении Японии и помогла людям осознать, что эффективно действующая демократия всегда основана на честных, высокоморальных принципах».

Алек Смит и Артур Канодерека

АФРИКА

В пятидесятые и шестидесятые годы важнейшей задачей МПВ стало содействие как можно более безболезненному переходу Африки к независимости. Несколько африканцев из разных стран создали пьесу *Свобода*, в которой описали собственный опыт участия в движении МПВ. Впоследствии по ней в Нигерии был снят фильм. Фильм был дублирован на небывалое количество африканских языков. Поскольку все, что носит название *Свобода*, вызывало у британских властей в Восточной Африке подозрение, они сочли за благо фильм запретить. Это значительно способствовало его популярности, когда он наконец появился на экранах. Международные группы сторонников МПВ постоянно работали в разных африканских странах, помогая перебрасывать мосты между черными и белыми и смягчать разногласия между разными племенами.

В семидесятые годы Южную Родезию раздирала на части кровавая гражданская война: две партизанские армии, в которые входило черное население страны, боролись за свержение власти белого режима Яна Смита. Смит заявил, что «в ближайшую тысячу лет» ни за что не предоставит черным права голоса. Пока полыхала война, сын премьер-министра, Алек, стал наркоманом - он употреблял ЛСД и героин. Затем, в 1973 году, он отказался от наркотиков в результате драматической истории, окончившейся его обращением в христианство. В автобиографической книге «Теперь я зову его своим братом» Алек Смит рассказал, что именно после этого его стала волновать судьба страны, и именно в это время он встретил работавших в Родезии представителей МПВ. В военной обстановке эта группа, состоявшая из черных и белых, постоянно встречалась и обсуждала, что сделать, чтобы дать толчок к примирению. Один из них, Артур Канодерека, был членом Центрального комитета действовавшей в подполье партии Роберта Мугабе, находившегося в изгнании. Другой - руководителем аппарата сотрудников министерства иностранных дел. То есть это была очень разношерстная группа. У них было много несогласий, но было и общее - вера в процесс морального перевооружения и в то, что Бог укажет им путь к облегчению участи людей в этой стране. Более того, каждый из них был готов начать с перемен в своей собственной жизни, с отказа от предрассудков. Кто-то окрестил их «кабинетом совести». В 1978 году Канодерека, осуществлявший челночную дипломатию между сторонами, которые он надеялся склонить к переговорам, был убит. Разумеется, не всем были выгодны переговоры. Но члены МПВ не сдавались.

В 1980 году британское правительство объявило прекращение огня, и были проведены выборы. В разгар избирательной кампании активистам МПВ

стало известно, что в среде высшего армейского офицерства готовится заговор под кодовым названием «Операция Кварц». В план заговорщиков входило нападение на Мугабе в случае его победы на выборах. Группа МПВ решила попытаться организовать встречу Яна Смита с Робертом Мугабе. У одного из участников группы, африканца по имени Джорэм, была связь с Мугабе. «Он, - рассказывает Алек Смит, - отправился убеждать Мугабе, я - отца. Потребовалось много времени и несколько встреч. Они оба консультировались со своими советниками, а время шло. Казалось уже, что затея провалилась. Не знаю, сыграли ли здесь свою роль бронетранспортеры, появившиеся на всех важнейших перекрестках города, нет ли, но в одиннадцатом часу вечера - накануне того дня, когда Мугабе должен был быть объявлен победителем на выборах, - он позвонил Джорэму и сказал, что готов встретиться с отцом, если отец не возражает. Встреча была назначена после наступления темноты в доме Мугабе».

Беседа между лидерами, каждый из которых в свое время поклялся повесить другого, продолжалась три часа. На следующий день Смит и Мугабе выступили по радио и телевидению, призвав всех к спокойствию и обнародовав конструктивный план перехода к независимости. Спустя два месяца Южная Родезия стала независимым государством Зимбабве.

Удивительнейшим пунктом соглашения о будущем страны было то, что обе соперничавших партизанских армии, укомплектованные, соответственно, представителями этнических групп шона и ндебеле, а также руководимая белыми офицерами родезийская армия, восемь лет боровшаяся с ними обеими, объединялись в единую зимбабвийскую армию. Алек Смит был призван. Новое правительство Зимбабве, учитывая его заслуги в деле достижения согласия между воюющими сторонами, дало ему звание майора и поручило работу по интеграции бывших трех армий.

Алек вспоминает:«В течение первого года нашей задачей было деполитизировать солдат. Мы должны были помочь им принять результаты выборов и понять новую политическую ситуацию. Даже белым это давалось трудно. Они, как выяснилось, понятия не имели о причинах гражданской войны. Как легко промывать мозги тем, кто знает лишь половину правды, особенно если пресса настолько зависима от правительства, насколько наша пресса была зависима от правительства Родезии. Мы также старались помочь им побороть инстинкт агрессивности и приспособиться к мирной жизни. А теперь представьте себе, каково было черным! Большинство из них совсем еще молодыми людьми, вышедшими из мира бедности, безработицы и беспросветности, влились в движение, давшее им цель в жизни и положение. Но единственное, чему их научили, - убивать. О мирной жизни в разговорах с ними не стоило и заикаться. Слишком уж сильно пришлось бы им для нее себя переделывать. Поэтому мы решили попробовать заронить в души всех людей зерно нового общественного сознания, соответствующего многорасовому составу этого общества, и постараться это зерно взрастить». Майор Смит широко использовал в своей работе фильмы, снятые под эгидой МПВ, в том числе и фильм *Свобода*.

В последнее десятилетие в Зимбабве были, конечно, свои проблемы, но члены МПВ продолжают искать возможности содействовать развитию этой ключевой африканской страны, граничащей с ЮАР. Они сосредоточили свои усилия на преодолении разногласий между шона и ндебеле и на повышении эффективности производства в стране. С этой целью они проводят семинары в Доме конференций, который они там построили. Этот дом служит также местом встреч представителей черного и белого населения ЮАР.

СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКИ

В 1948 году четыре профсоюзных деятеля из Коста-Рики, приехавшие в Женеву на конференцию Международной организации труда, посетили Ко. Впоследствии все они были президентами Коста-Рики. На открытии конференции «За моральное перевооружение» в Сан-Хосе в 1981 году президент Луис Альберто Монге сказал, что в Ко он и его коллеги обрели «чувство ответственности», которое и заставило их организовать Партию национального освобождения, первую демократическую партию Коста-Рики.

Элизер Сифуэнтес принимал активное участие в деятельности социал-демократической партии и в кооперативном движении в своей стране, Гватемале. Но традиционные классы землевладельцев часто даже в таком умеренно реформистском движении усматривали угрозу своему положению и своим привилегиям. В Центральной Америке это чревато кровью. Однажды в 1980 году, когда Сифуэнтес ехал вечером домой, четыре грузовика с солдатами преградили ему путь и открыли огонь. Раненный, он сумел спрятаться, а потом пробраться в коста-риканское посольство и найти там убежище. После переговоров он был выслан из страны.

Год спустя президент Монге пригласил его на конференцию в Сан-Хосе. Там он увидел фильм об

Ирэн Лор, о том, какой вклад она внесла во франко-германские отношения. Сифуэнтес рассказывает: «Сердце мое обжигала ненависть к военным, покушавшимся на мою жизнь, и к Соединенным Штатам, которые, как я считал, стоят за их спинами. Но здесь я получил импульс обновления, чувство ненависти и жажда мести стали постепенно отступать. Отказ от ненависти благотворен для души». Рискуя жизнью, Сифуэнтес вернулся в страну, чтобы начать диалог с военными властями. В июне 1990 года он организовал в Коста-Рике конференцию на тему «Силы безопасности и мир в Центральной Америке», в которой участвовали как военные, так и гражданские лица из разных стран Центральной Америки. Сифуэнтес обратился к ним с такими словами: «За военным мундиром мы должны различать человека, способного измениться, а военные должны видеть в любом гражданине человека, сотворенного по образу и подобию Божию, - и обе стороны должны уважать друг друга, быть готовыми простить, попросить прощения и вместе работать на благо нашего региона».

На Сифуэнтеса, как видим, произвел большое впечатление пример Ирэн Лор. Этот сознательный и неосознанный обмен опытом через континенты вообще бесценен в работе МПВ. В сентябре 1990 года Верховный суд Сальвадора два дня вел слушания, организованные американскими юристами, в ходе которых активисты МПВ рассказывали об опыте разрешения конфликтов и прекращения гражданских войн - опыте, все еще злободневном для Сальвадора. Среди выступавших были Алек Смит из Зимбабве и генерал Джозеф Лагу из Судана, бывший когда-то лидером сепаратистского Юга, а ныне посол Судана в ООН - знак признания правительством его миротворческих заслуг.

Внутри Соединенных Штатов МПВ видит свою задачу в том, чтобы поддерживать верность Америки своим идеалам и не допускать по возможности разрыва между этими идеалами и практикой повседневной жизни. Два пятна на репутации Америки - это геноцид американских индейцев и рабство, делавшее привезенных в Америку африканцев людьми второго сорта.

Фрэнк Букман в 1934 году стал побратимом одного из североамериканских индейских племен, и с тех пор в конференциях МПВ, проводимых в Северной Америке, всегда участвуют коренные жители континента. Установлены связи с представителями Движения индейцев Америки в Канаде. МПВ участвует в улаживании разногласий между молодыми индейскими боевиками и вождями племен, между индейцами и властями штатов и федеральными властями. Эта работа ведется и сегодня.

В течение нескольких десятилетий МПВ вместе с другими движениями участвовала в создании и деятельности организации «Америка, независимо от цвета кожи». В 1958 году деятели искусств из МПВ поставили на юге США, в Атланте (Джорджия), музыкальный спектакль с многорасовым актерским составом; спектакль назывался «Успешное испытание». Это был рассказ о жизни Мэри Маклеод Бетьюн, родившейся в семье черных рабов и ставшей советником президента. Спектакль активно повлиял на расовые взаимоотношения того времени: впервые в этом театре черные и белые зрители могли сидеть в одном зале. «Успешное испытание» продержалось в репертуаре четыре месяца. Черный адвокат Уолден сказал тогда: «Атланта никогда уже не сможет быть такой, какой была до спектакля. В городе изменилась сама атмосфера». В более близкие к нам времена, в 1987 году, преподобный Леон Салливан, выступая в Картеровском президентском центре, говорил о проблеме «бездомности и безнадежности, о нервных срывах и наркотиках, которые угнетают людей и взрывают многие американские города». Преподобный Салливан, известный как борец за предоставление равных прав белым и черным служащим дочерних предприятий американских компаний в Южной Африке, сказал, что «Моральное перевооружение - движение очень полезное, поскольку показывает, что с пагубными последствиями душевной опустошенности можно бороться и в Америке и повсюду». Сейчас МПВ активно поддерживает растущее движение за ненасильственные методы борьбы среди чернокожих учащихся государственных школ Атланты. В 1990 году двенадцать лидеров этого движения были участниками конференции в Ко.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Рамиз Саламех был студентом университета в Бейруте, когда впервые столкнулся с Моральным перевооружением. Получивший среднее образование во Франции и принадлежавший к христианской общине маронитов, он испытывал чувство превосходства над ливанцами-мусульманами. Ведь даже в конституции, действовавшей после ухода французов, было записано, что президентом Ливана должен быть маронит. Первой ступенью к внутреннему перерождению явился для Саламеха визит к Великому муфтию Ливана - он принес муфтию извинения за то, что испытывал чувство собственного превосходства на том лишь основании, что он христианин. Через два дня после этого какой-то террорист поджег мечеть Аль-Акса в Иерусалиме. Ливанские мусульмане ждали гневной проповеди

своего муфтия. Силы по поддержанию порядка даже окружили мечеть в Бейруте, опасаясь волнений. Но вместо этого муфтий рассказал верующим о посещении его юным христианином. Поступок юноши муфтий назвал «порывом к братскому взаимопониманию и миру». В дальнейшем организовалась группа, состоящая из христиан, мусульман-суннитов и мусульман-шиитов, которая, несмотря на все весьма существенные разногласия, все же регулярно собирается вместе и размышляет о благе страны.

Только что мы были свидетелями войны в Персидском заливе. Как помним, в 1958 году на Ближнем Востоке тоже возник кризис. Когда в июле произошла революция в Ираке, Ливан и Иордания почувствовали себя в опасности. По просьбе руководителей этих стран морские пехотинцы США и британские воинские части высадились в Ливане, Иордании и Кувейте. Советский Союз тем временем перебрасывал свежие силы в Сирию. Кризис углублялся.

Генеральным секретарем Лиги арабских стран был тогда старейший египетский дипломат Абдель Халек Хассуна. Хассуна бывал в Ко и, как правоверный мусульманин, интерпретировал для себя воспринятые там идеи в том смысле, что Бог может наставить на путь истинный того, кто обращается к нему с открытой душой. Живя в Каире и наблюдая с близкого расстояния, как кризис становится все более опасным, он решил отправиться на чрезвычайную сессию Генеральной ассамблеи ООН, которая по требованию США и СССР должна была состояться 13 августа. Как Генеральный секретарь Лиги арабских стран, Хассуна имел статус наблюдателя в ООН.

20 августа лондонская *Таймс* под заголовком «Упущенный шанс» писала, что «рухнула последняя реальная надежда достичь согласия в арабском мире». На следующий день, однако, заголовок в этой газете уже гласил: «Арабские страны нашли формулу мира», а 22 августа газета сообщила о «единогласном голосовании в ООН за предложенный арабами план». «Вашингтон пост» назвала резолюцию триумфом Хассуны и рассказала о серии встреч, которые он провел в одном из нью-йоркских отелей со всеми десятью послами арабских стран в ООН. В ходе этих встреч они и выработали единое мнение.

На следующий день Хассуна сказал журналисту, моему другу: «Вернувшись в ту ночь к себе в номер, я не мог ничего делать, ни о чем думать, я только благодарил Бога. Если отдаться молитве всей душой и хотеть услышать слово Божие, Бог может вдохновить тебя на мудрость, помогающую разрешить даже самые сложные проблемы».

Ислам насчитывает сейчас около миллиарда последователей на всем земном шаре. Многие исламские лидеры осознают, сколь важна деятельность МПВ в их странах; с помощью своих представителей на Ближнем Востоке и во время конференций, проводимых в Центрах МПВ, движение старается внести свой вклад в установление взаимопонимания между мусульманами и немусульманами, между арабами и американцами, арабами и израильтянами.

Раджмохан Ганди

ИНДИЯ

Индия - преимущественно индуистская страна, но при том, что в ней около 800 миллионов населения, даже такое «меньшинство» как мусульмане насчитывает здесь 120 миллионов человек, а это делает Индию второй по величине мусульманской страной мира. Махатму Ганди убили за то, что он пытался примирить индуистов с мусульманами. Сегодня его внук Раджмохан Ганди продолжает дело деда.

О деятельности сторонников МПВ в Индии он сказал: «Это лучшее, что принес нам Запад». Вместе со своими сподвижниками он превратил МПВ в нечто сугубо индийское.

Благодаря их усилиям, в 1968 году в 250 км к югу от Бомбея был создан Азиатский центр для проведения конференций МПВ.

Деятельность индийских участников МПВ сосредоточена на примирении индуистов, мусульман и сикхов. Несмотря на все трудности, в конференциях

участвуют и пакистанцы. Раджмохан Ганди написал книгу о жизни выдающихся мусульман Индии. Он хотел подать пример доброжелательства, которое должно стать отправной точкой на пути индуистов и мусульман друг к другу. Он показал, что люди, почитаемые как герои индийцами-мусульманами, так же точно достойны почитания и индуистов, и что не следует сознательно вырабатывать отношение к ним как к врагам.

Деятельница Азиатского центра МПВ Сушобха Барве ехала в поезде в день убийства премьер-министра Индии Индиры Ганди сикхскими террористами. Поезд остановили, и толпа индуистов ворвалась в него, разыскивая сикхов. В купе вместе с Сушобхой ехали два сикха. Сушобха встала в дверях и попыталась урезонить толпу, но ее сбили с ног, а сикхов вытащили из поезда, жестоко избили и подожгли на них одежду. Беспорядки, сотрясавшие в те дни страну, унесли более тысячи жизней.

Произошедшая у нее на глазах трагедия оставила в душе Сушобхи чувство вины и гнева. Она решила, что тоже обязана принять на себя ответственность за случившееся. «Такие, как я, способствуют трагическим событиям, потому что остаются безразличными, потому что и сами не лишены предрассудков и высокомерия. Я стала думать, как я, самый обыкновенный человек, могу помочь исправить то, что казалось окончательно испорченным. Я стала писать сикхам по всей Индии, людям, которых никогда в жизни не видела, - журналистам, политикам, генералам, полицейским чиновникам, студентам. Позднее со многими из них я встречалась. Я рассказывала им о том, что видела в поезде, и выражала глубокое сострадание народу, испытывающему в эти дни боль и унижение».

Через три месяца после инцидента в поезде Сушобха узнала, что те двое сикхов чудом выжили и поправляются от многочисленных ран и ожогов. Она проделала путь в две тысячи километров, чтобы навестить их. Затем организовала из представителей индуистской и сикхской общин группу, которая ставит целью подталкивать стороны к взаимопониманию и помогать им изживать предрассудки.

В 1981 году, принимая от МПВ медаль «За заслуги в строительстве мира в промышленности», Раджмохан Ганди сказал: «Прошу, не оставляйте без внимания тысячи молодых мужчин и женщин, которые в силу тех или иных обстоятельств жизни стали исповедовать философию ненависти и насилия... Что может спасти их от трагедии и разочарования? Только другая страсть - страсть к добровольному обмену культурными ценностями, к которому должны их побуждать ваши «бригады совести».

Только человек, осознавший это и прислушивающийся к своему внутреннему голосу, в состоянии искренне поставить себя на место другого и понять его... И только тогда он отдает себе отчет в том, что почти все мы в той или иной степени живем по двойному счету - о себе судим по идеалам, к которым стремимся, о других - по их деяниям...

Слабый человек, мнящий себя радетелем за всю землю. Абсурд? Нет, напротив, только так и должно быть!

Разве фермер не должен думать о рабочем? И наоборот. И разве конфликты не возникают отчасти и из-за узости наших взглядов? Скрепляющий раствор человеческого сообщества - гуманность. Весь мир - моя семья».

Махатма Ганди боролся за равноправие неприкасаемых, и в новой независимой Индии им были гарантированы конституционные права. Но изменив закон, не изменишь автоматически и отношения между людьми. Индийские сторонники МПВ продолжают битву за разрушение всех межкастовых барьеров в людских душах.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует сказать несколько слов об отношениях между МПБ и странами бывшего Советского Союза. Как следует из статьи в журнале *Коммунист*, на которую мы ссылались раньше, Моральное перевооружение противостоит равно материализму как коммунизма, так и капиталистического мира. Прежде мы были вынуждены выступать против антидемократической политики Советского Союза, попиравшей права человека. Однако в наших публикациях пятидесятых - начала шестидесятых годов появились высказывания, в которых не делалось должного различия между народом и правительством. Это, конечно, способствовало созданию негативного представления о советских дюдях и воздвигало барьеры между народами. Мы глубоко сожалеем об этом и благодарны представленной нам возможности сказать об этом нашим читателям в бывшем Советском Союзе.

В восьмидесятые годы число представителей из Восточной Европы, приезжающих на конференции в Ко, значительно возросло. Поэтому в 1990-м году конференция открылась темой «Нации - соседи. Восток и Запад учатся друг у друга». В последующие несколько недель из Центральной и Восточной Европы к нам прибыло более трехсот человек, и в конечном итоге оказалось, что присутствуют представители всех европейских народов: наш Горный дом в Ко стал поистине общим европейским домом. И гораздо более важными стали для

участников не официальные заседания, а встречи в неформальной обстановке между поляками и немцами, поляками и россиянами, способствовавшие решению существенных для всех вопросов.

Летом 1991-го года 109 человек из уже распадающегося Советского Союза приехали на конференцию в Ко, причем 30 из них оставались там в исторические дни августовского путча. В те дни мы вместе пережили и тревогу, и радость. Московский учитель Дмитрий Ханов, присутствовавший на той конференции, сказал тогда, что считает важнейшей задачей создание «обновленной России, живущей в содружестве наций-соседей». Последние 74 года, сказал он, были «Вавилонским пленением». «Я вспоминаю тысячи мучеников, отдавших свои жизни, я думаю о миллионах убиенных и пострадавших за эти годы. Мы не можем строить новое общество без полнейшего осознания этого горького опыта. Дмитрий Ханов сказал, что один из уроков, который люди извлекли из прошедшего опыта, - это понимание того, что без ощущения абсолютных ценностей, корни которых ведут только к Богу, человек оказывается перед пропастью, в тупике, из которого выхода нет».

Философ и журналист Владимир Зелинский предостерег против возможного желания отомстить за былое. «Ответ на вопрос кроется не в том, чтобы винить других, а в том, чтобы принять вину на самих себя. Это и есть путь к миру и прощению между народами, только что обретшими независимость после падения Советской империи». В августе нынешнего года в Ко должен состоятся семинар, который организуют наши друзья из Москвы, под названием «Нравственные уроки советской истории: опыт противостояния злу».

Отвечая представителям Восточной Европы, видный итальянский политический деятель Джованни Берзани - член Европейского Парламента в течение 30 лет - сказал: «Демократия во многих странах Запада сейчас несколько выдохлась. Индивидуализм, эгоизм и потребительство ослабили дух наций. Мы нуждаемся в духовном обновлении, и я убежден, что народы Восточной Европы, очистившиеся через свои страдания, принесут нам его».

Разнообразный опыт нынешнего столетия не пропал даром. Народы бывшего Советского Союза выстояли в героической борьбе. Запад же с его сильной склонностью к самоуверенности, по всей видимости, забыл старую американскую поговорку: «Не ругай своего брата, покуда не пройдешь милю в его мокасинах». Судьба не даровала народам бывшего Советского Союза удобных мокасин. Однако история показывает, что те, кто прошли через страдания, могут своим опытом обогатить и других. Борис Шрагин в книге *Противостояние духа* утверждает, что страдания научили Россию экзистенциализму. «Экзистенциалистский подход к истории», считает Шрагин, «отрицает присутствие в ней каких бы то ни было рациональных или моральных начал как данностей, без участия личностного фактора. Само по себе, по собственной воле, человечество не становится лучше, как не становится оно лучше и в каждом последующем столетии. И никому не дано сделать человечество лучше, просто полагаясь на те, якобы, замечательные качества, которыми оно обладает по своей природе».

Эти мифы об имманентно присущих человеку добрых качествах, как и о неизбежном прогрессе человечества, ведут к Утопии, считает Шрагин, они достались и марксистским и западным обществам в наследство от 18-го века - века Просвещения - в Западной Европе. Не следует отрицать, что мы получили от этого века много ценного, но поразительно, насколько живучи эти донаучные гипотезы - ведь они и по сей день продолжают оказывать существенное влияние на западных мыслителей, несмотря на весь трагический опыт человечества нынешнего столетия, не говоря уже об открытиях в области антропологии и психологии, развенчавших эти мифы окончательно.

Сейчас повсюду необходима полная смена направлений. Советский Союз пережил в нынешнем веке самые трагические события. Когда они будут полностью осознаны и люди обретут исцеление в прощении, тогда народы бывшего Советского Союза извлекут уроки из прошлого и постигнут ту насущную истину, которую предстоит узнать и Западу. Эволюция испортила человека, поэтому прогресс неизбежно связан с моральным обновлением. Мы все стоим перед одной и той же задачей. То, о чем я написал в этой статье, то есть начать с исправления всего плохого в себе самом и в собственном народе, ведет подчас к решению конфликта, в этом ключ к обновлению цивилизации, что, хотя и вовсе не неизбежно, но, безусловно, вполне в возможностях человечества.

МПВ всегда готово помочь и поделиться своим богатым опытом в этой области с народами, населяющими бывший Советский Союз, чтобы они могли найти верный путь и жить единой семьей народов. Тогда, через моральное и духовное очищение, необходимое для достижения этой цели, они смогут побудить к переменам и остальной мир. Мир преодолеет национальные, расовые и религиозные барьеры и сделает шаг по направлению к глобальной общности. Человечество, сделавшее огромный скачок в научном и техническом отношении, теперь должно повзрослеть в моральном и духовном отношениях, чтобы получить возможность жить в 21-м веке. ■

ВСТРЕЧИ В ШВЕЙЦАРСКИХ АЛЬПАХ

Репортаж Майкла Брауна об одном летнем месяце 1990 года в швейцарской деревне Ко. Там, в здании бывшей гостиницы, которое давно служит центром конференций МПВ, впервые среди собравшихся из многих стран мира оказалось много представителей из стран Восточной Европы и СССР, чтобы обсудить новые для этих стран проблемы нового для всех времени.

Два вагончика фуникулера шумно проделывают свой километровый путь вверх от Монтре вдоль склона горы, оставляя позади весь мир и туманный горизонт за Женевским озером. В ясном вечернем освещении рваные очертания альпийских вершин, которые подавляют своим величием, вызывают чувство смирения на этом фоне. Гасан и Марина Гусейновы из России прибыли сюда, не очень представляя себе, что их ожидает в этой швейцарской деревушке Ко.

Всего за три месяца до этого они случайно встретили в Москве норвежца и англичанина, которые пригласили их участвовать в серии конференций, назначенных на ближайшее лето в Швейцарии. Они не знали ничего ни об импозантном гостиничном здании, в котором расположен центр конференций движения «Моральное перевооружение», ни о хозяевах этого центра, участниках этого движения. Филолог Гасан Гусейнов, сотрудник Института Мировой Литературы, представлял себе, что эти конференции на темы: «Отношения Запад-Восток» и «Освобождение сил перемен» будут аналогичны тем академическим конференциям, которые проводятся в системе культурного обмена.

Однако с первого же заседания в переполненном зале, где собралось 540 человек 43-х различных национальностей, было очевидно, что это нечто совсем иное. Профессор Университета в Лозанне Вернер Штауффахер говорил о необходимости признать тот факт, что «железный занавес» все эти годы позволял жителям Запада эгоистично «не очень задумываться о странах на Востоке». Нельзя допустить, предупреждал он, чтобы «занавес», в течение 45-ти лет разделявший Европу, был заменен аналогичным разделением между богатыми западными странами Севера и бедными странами Юга. Сотрудница социальной службы из Индии рассказывала, как перед разрушенной Берлинской стеной ее охватили мысли о том, что в Индии, бывшей родиной концепции отказа от применения насилия в политических целях, многие сейчас шумно добиваются возведения проволочного заграждения на границе с Пакистаном.

Наряду с преодолением политических и экономических последствий раздела Европы, отчаянно необходима помощь,- сказал архитектор из Польши: «чтобы преодолеть моральные последствия бесчеловечной системы, опустошившей Центральную и Восточную Европу, чтобы залечить раны как между странами, так и внутри них». Его жена еврейского происхождения, пережившая в 1940 году 3-х недельную депортацию в скотном вагоне в глушь России, рассказывала с волнением о своем недавнем посещении Освенцима, где она воззвала к Богу: «Где Ты был, чтобы допустить такие унижения?» Затем перед крестом, возведенным к паломничеству Папы Римского, ее постигло осознание того, что она тоже должна простить, как прощал Христос.

НЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ

Медленно, с чувством собственного достоинства, рассказывал черный южно-африканец Генри Фаззи о своем заключении в течение 21-го года на острове Роббен, где он был вместе с Нельсоном Манделой и другими лидерами АНК. «Наша борьба была не против белых людей». Мы боролись против законов угнетения правительства. Африкандер Питер Хорн добавил, что апартеид был не просто плохой политикой, как социально, так и политически, но «также и грехом перед Всемогущим Богом. Те из нас, кто участвовал в этом, должны посильно исправить, что возможно, а потом просить Бога о прощении. Тогда, может быть, Господь сможет использовать нас как инструмент для исцеления от боли и ненависти, которая так глубоко сидит в нашем обществе».

Это врядли было похоже на те абстрактные понятия, которые Гусейновы привыкли слышать на академических конференциях. «Нас поразило, что вопросы, связанные с судьбой Европы, рассматриваются сквозь личный и порой весьма интимный опыт», - сказала Марина Дмитриева-Гусейнова, искусствовед из Инсти-

Горный дом в Ко

тута Истории Искусств в Москве.

И все-таки, по их собственному признанию позже, они не сразу сумели отделаться от подозрительного отношения, чему способствовала экзотика и роскошь построек. В свой первый вечер там, сидя за кофе в громадном, великолепно украшенном зале для собраний, они услышали от одного из хозяев-организаторов этих конференций описание того, как в этой когда-то роскошной гостинице, построенной в начале века, собиралась европейская аристократия по вечерам под куполом потолка этого самого зала перед тем, как перейти к танцам в элегантном бальном зале. В годы Второй мировой войны тут размещали потоки беженцев, что привело здание и постройки гостиницы в состояние полного упадка. Затем, в 1946 году небольшая группа жителей Швейцарии, сложив имевшиеся у них финансы, внесли первый взнос на покупку этой гостиницы. Затем был создан фонд для сбора средств на покупку и восстановление этого места, с тем, чтобы превратить его в центр, где могли бы собираться и встречаться люди из разрушенной послевоенной Европы с целью примире-ния и восстановления отношений.

С тех пор ежегодно устраиваются такие конференции, на которые съезжаются со всех концов земного шара. Организаторы, как и весь штат, работают добровольно, без оплаты; всякого рода расходы обеспечиваются взносами и пожертвованиями. Участники конференций платят по совести, насколько позволяют их возможности.

«Мы задались вопросом: что стоит за всем этим?» - сказал Гасан Гусейнов. - «Двоемыслие настолько стало частью нашей натуры, что нам потребовалось несколько дней, чтобы осознать, что некоторые вещи на самом деле таковы, как нам представляется; мы видим на поверхности то же самое, что стоит за этим. Совершенно незабываемый для нас урок».

Частью этого урока была общая работа в разных сменах, в которой добровольно участвовали все, записываясь заранее на определенные смены и делая все, что могли. Работа Гусейновых по обслуживанию участников конференции холодными напитками после вечернего заседания напоминала им «добровольную работу», на которую они назначались в пионерских лагерях школьных лет. Отличие заключалось в том, что тут работа на самом деле была «добровольной и нужной». Один русский философ заметил с усмешкой: «Всем русским философам надо было бы приехать сюда... и всем следовало бы поработать на кухне!»

Где-то в помещении громадной кухни киприоты Неофитус и Антигон Христодулид в кухонных фартуках помогали готовить ланч на 600 человек. Вместе с одним из организаторов Солидарности Польши они раскладывали куски замороженной рыбы, 2000 фунтов

которой поступает сюда ежегодно как вклад из одного рыбачьего поселка Норвегии. Бородатый музыкант из Австралии размешивал 190 фунтов резаной моркови, серьезная женщина из Судана, которая оказалась юристом, резала лук-порей. Готовя миски салата, швейцарский инженер вел весьма яростную дискуссию с польским ядерным физиком, обсуждая все «за» и «против» ядерной энергии в регионе Восточного блока.

Такие нечаянные встречи характерны для конференций в Ко. Так студентка из Западной Германии Хэлена Пик, дважды побывав в странах Восточной Европы, нашла их «серыми и депрессивными». Несколько часов разговора с соседкой по номеру из Румынии заставили ее изменить это представление. Прибывшие в Ко румыны то и дело спрашивали с болью, почему мир не помнил о них все 45 лет. «Мы просто не знали вас, но теперь узнав, мы никогда вас не забудем. Для меня Железный Занавес был поднят на этой неделе,» - отвечала Хэлена Пик.

Как раз перед ней Артур Гжибовский из Польши говорил о «двух уровнях понимания, один из которых определен данной локальной культурой, а другой - глубже, общий для всех людей. Ко требует от нас того, чтобы мы достигли того более глубокого уровня, создает возможности для преодоления нашего национального эгоцентризма. Здесь мы видим проблемы всего мира и можем видеть себя как европейцев, а не просто поляков».

Из всех встреч «через границы», пожалуй, наиболее тяжелыми оказались «диалоги» между немцами и поляками. На первую неделю той летней программы была назначена неформальная встреча 50-ти человек из двух стран с переводчиками. Первые минуты были полны общей неловкостью - рассказывал преподаватель искусства в отставке из Берлина Ганс Криг. Затем молодая женщина из Польши описала, как она испугалась при виде громадного «Мерседеса», в котором прибыли в Польшу немцы из Западной Германии со своими видеокамерами, чтобы сделать съемки своих бывших домов. Ее реакция была: «Опять они здесь, прибыли!» Ее резкая прямота не помогла смягчению обстановки встречи. Два немца завязали горячий спор.

В конце этой сессии наступило чувство разочарования. «Мы не можем уехать, оставив все так,» - сказал Криг, который вместе с женой много лет трудился, налаживая связи между Востоком и Западом. На следующий день все началось сначала. Дискуссия приняла более личный характер, никаких записей не велось, однако поляки, уезжая, публично поблагодарили пару Криг, которые сказали: «Мы обрели друзей на всю жизнь».

Подобным опытом оказалась для Кригов и встреча с актерами московской труппы, которые представляли по-русски сцены из Чехова и современных спектаклей. Один из актеров заметил: «Это место похоже на нашу прежнюю мечту о коммунизме». Криг говорил с раскаянием о своем участии в Третьем рейхе и осаде Ленинграда. Не было семьи, которой бы не коснулись страдания, причиненные также и своим собственным правительством.

Русские и эстонцы, венгры и чехи, поляки и украинцы, диссиденты, поневоле оказавшиеся в эмиграции, и прошедшие через многое сотрудники той власти, которой они противостояли - встречи, для

За приготовлением ланча

которых Ко предоставил благоприятные условия в течение многих дней. Это было глубже просто политики гласности.

«Мы, советские граждане, виноваты перед многими народами,» - сказал философ и журналист Владимир Зелинский. Он вспоминал, как видел по телевизору в передаче новостей русскую артиллерию, использованную в разрушениях большой части Бейрута. «Я не имел никакого отношения к производству этого оружия, но я испытывал острое чувство стыда перед всеми народами: ливанцами, поляками, литовцами, чехами, афганцами. Мы должны найти в себе внутренние силы для покаяния».

Ссылаясь на молодого человека из Германии, говорившего перед ним о Берлинской стене, В.Зелинский продолжал: «Стены, которые мы должны разрушить прежде всего, находятся внутри наших душ. Не может быть так, чтобы одна Россия была свободной, другая - угнетенной. Обе России переплетены внутри нас. Покаяние, поиск внутренней свободы и личной ответственности могут способствовать решению наших проблем».

Гасан Гусейнов был поражен: «Честно говоря, до прибытия сюда мы не испытывали никакого чувства личной ответственности за то, что происходит в нашей стране, мы всегда чувствовали себя отчужденными от государства. Посещение Ко,» - как он сказал, заставило их - «ощутить моральную сопричастность к событиям, что важнее всего для нашей страны». Будучи специалистом по национальным проблемам СССР, Г.Гусейнов принял участие в семинаре, посвященном межнациональным конфликтам. В своем выступлении он говорил: «Крах идеологии не образует пустого места, его заменяет отвратительная атмосфера, насыщенная нашими поисками виновных во всех бедах, пропитанная ослепляющей ненавистью, которая не позволяет ясно разглядеть истинные причины наших бед. Прежде всего козлом отпущения всегда становится меньшинство... Причастность к мировой общественности необходима для исправления ложного понимания демократии как права большинства угнетать меньшинство».

Как часто случается в Ко, источник ответа на его призывы оказался неожиданным. Так супруги Христодулид с Кипра оторвались на 30 минут от своей куховаренной смены, чтобы описать собравшимся в зале, что они пережили - когда взрывы бомб турецкого вторжения окружили их город в 1974 году, они бросились на пол у себя дома, испытывая страх и чувство горечи. Стоя на коленях, они молили Бога их спасти. Они испытали тогда чувство, что Бог послал им весть о пути спасения, которая состояла в следующем: «Доверьтесь мне, избавьтесь от своей ненависти и уходите сейчас отсюда». Они все бросили, кроме ключей от дома, куда с тех пор не возвращались. Как бы то ни было, они никогда не изменяли принятому тогда на Кипре решению избавиться от ненависти, не винили никого, начиная с лагеря для беженцев, где они пробыли 13 месяцев, до настоящего времени. Теперь они встретились с турками в Ко, т.е. в том месте, где идет работа «по наведению мостов к будущему Кипра».

Аналогичный опыт пережил прибывший в Ко человек, который принадлежал к одной из 13-ти разных фракций Ливана, где межнациональная ненависть накалена больше, чем где бы то ни было. Живя в христианской секции Бейрута, он «усвоил традицион-

Павел Литвинов (справа) в разговоре с Веславом Кенциком из Польши

ное представление о том, что мусульмане - наши враги». После своего первого посещения Ко три года тому назад он начал наведываться в другие районы Бейрута, ничего не говоря своей семье, поскольку знал, что они будут протестовать. Недавно его и трех его друзей остановила милиция на пропускном пункте; они были задержаны, боясь самого худшего, но неожиданно их вскоре освободили. Он признается: «Да, я испугался и опять могу испугаться в дальнейшем, но я не прекратил и не прекращу своих встреч с людьми в других районах Бейрута. Любовь - единственное средство излечения нашей страны, а любить означает жертвовать собой и стремиться к благополучию других».

Смелые слова. Но «ненависть не превращается в любовь просто так сразу», как заметила тихим голосом Аня Снельман из Финляндии, одна из тех, кто планировал и координировал сессию в Ко «Формирование Новой Европы», привлекшую большой приток молодежи из Венгрии, Польши, Румынии и Восточной Германии. Хозяевами на сессии были молодые люди.

Одна встреча была сосредоточена на необходимости восстановления и установления связей. Аня Снельман рассказывала просто о том, как они с ее мачехой обижали друг друга. «Странно, как легко можно вызвать друг у друга на поверхность самое худшее...» Трудно было точно сказать, когда этот «заколдованный круг» прервался, но она знала, что у нее не осталось никакой тяжести в ее отношении к мачехе. «Это было что-то не просто человеческое. Это имело отношение к Богу... чудо. Я не стояла бы тут, если бы этого не произошло со мной на самом деле,» - говорила она с тихой убежденностью.

Так, по существу, в основе происходящего в Ко лежит такой процесс, в котором внутренняя борьба и страдания как личности, так и общества становятся средствами не накопления горечи и разделений, но напротив, создания чего-то иного, альтернативного. Можно сказать, что испытания прошлого закладывают мудрость и опыт в то, что составляет фундамент будущего.

В судьбе немецких родителей, дочь которых в результате изнасилования ее родственником, пристрастилась к наркотикам и должна была уйти из дома, поворотный пункт произошел тогда, когда они сумели взглянуть в лицо оскорбителю без обвинений, освободившись от горечи. Только тогда они начали восстанавливать свои отношения с дочерью, которая не только сама излечилась от наркомании, но теперь помогает другим молодым людям, которым грозит подобная опасность.

Можно сказать, что нечто подобное происходило в истории 12-ти подростков из суровых, опасных кварталов Атланты, города на юге США. Процесс создания ими организации «Прогресс черных тинэйджеров»

помог им самим вырваться из условий неуправляемости молодежных банд, жестокой войны черных подростков между собой, но также и привлечь других в свою организацию; тем самым черная молодежь Атланты приобщается к борьбе с преступностью, к переоценке жизни, поискам себя, к образованию и т.д.

Жители Атланты - от главы полиции до местных активистов - оказались в числе 76-ти американцев, прибывших в Ко. Они прилетели специально на неделю, посвященную консультациям по теме: «Поиски корней проблем кризиса в наших обществах». Эти темы также привлекли широкий спектр участников и проблем - от активиста Солидарности, мэра города Лодзь, который имеет дело с кризисом в связи с безработицей в Польше, до общественных деятелей Рио-де-Жанейро, которые пытаются бороться с преступностью в руководстве страны путем поисков порядочных и честных кандидатов среди 13-милионного населения в городских жилищах Бразилии.

Основное ощущение, которое создает происходящее в Ко, это то, что тут берутся за решение задач общественных и международных реформ, что тут происходит «моральное вмешательство в дела», по выражению Гуссейновых. Врачи и работники системы здравоохранения собираются для обсуждения и поисков профессиональных и нравственных проблем. Профсоюзные деятели и руководители цехов обсуждают свойства человека и мотивы, руководящие им на рабочем месте.

Актеры и художники обсуждают способы выражения истины в творчестве. Ученые обмениваются соображениями на весьма важную тему охраны окружающей среды. Руководители и администраторы корпоративного мира американских, европейских и японских компаний участвовали в последнем собрании «Круглого стола Ко», посвященного темам: «Чрезмерно агрессивная конкуренция в торговле» и «Проблемы развития Третьего Мира». «Мы не можем больше возлагать на других задачу давления на свои правительства для проведения перемен», - заявили эти лидеры делового мира. «Изменение отношения со стороны корпораций обеспечит движущую силу, необходимую для общественных перемен».

Такой широкий спектр тематики и людей может озадачить, ошеломить и даже подавить новичка. Студентка из Франции Лаури Зиминский говорит: «Ко - это как мир: слишком большой, слишком много стран, слишком много ситуаций. Я человек застенчивый, но когда я решилась обратиться к людям, в ответ они поддержали и вдохновили меня». Те, у кого хватает духу погрузиться в этот мир, находят такие отношения и проникновение, которые вливают в них новые силы.

СЕРЬЕЗНО И ГЛУБОКО

Для некоторых вся аморфная структура деятельности движения Моральное перевооружение в Ко, точнее - отсутствие структуры, с неформальными встречами, подготовляемыми различными группами без какой бы то ни было командной сети, кроме слабо определенного «коллективного руководства», - приближается к анархии. При всем том, происходящее там с людьми и ситуациями весьма серьезно и глубоко, используя выражение Ани Снельман, «чудеса... дела Всемогущего Бога».

Приведя цитату из Корана о том, что Бог никогда не изменит тех людей, которые сначала сами не попытались измениться, ведущий представитель мусульманской общественности северо-востока Англии Гаясуддин Кареши сказал, что для него посещение Ко «оказалось громадным нравственным обновлением». «Моральное переворужение» предоставляет место встречи для людей разных религий: христианской, мусульманской, иудаистской. Профессор Кареши также состоит Председателем Информационной Комиссии Совета по вопросам расового равенства.

Вопрос о том, действительно ли это «деяния Бога», горячо обсуждала группа венгров 15-ти человек, часто засиживаясь далеко за полночь. И все-таки, как выразился Миклош Забо, «тут можно быть атеистом или принадлежать к другой религии, не вызывая никакой дискриминации. Бог среди нас, с нами, его язык - один и тот же во всех странах».

Как бы иллюстрируя его идею, венгерская скрипачка вышла вслед за ним на сцену: «Вместо слов, я хочу сыграть вам». Она исполнила «Таиландские медитации» с таким чувством, что ее молодежная аудитория, более привычная к Мадонне, чем к Масснэ, разразилась громовыми аплодисментами.

Ведь в конечном итоге конференции в громадной старинной гостинице над Женевским озером - это обмен человеческим опытом, духовные диалоги, они одинаково выразительны на любом языке, даже без слов. ■

Ирландия и английский вопрос

Джон Лестер

7 февраля 1991 г. ирландские террористы обстреляли тремя артиллерийскими минами дом № 10 на Даунинг Стрит (резиденцию премьер-министра Великобритании) во время заседания военного кабинета по поводу войны в Персидском заливе.

Через 10 дней после этого подложенная ирландскими террористами бомба убила одного и ранила 39 пассажиров на вокзале Виктория в Лондоне.

Уже более 20 лет такие террористические акты будоражат общественное мнение британцев и обнажают глубину чувств, гнездящихся в душах некоторых ирландцев.

Такие события отрицательно влияют на мнение англичан об Ирландии. На самом же деле большинство населения Ирландии выступает против насилия и террора. Огромное число сыновей и дочерей Ирландии, имевших веру в своих сердцах, избрали путь служения на ниве просвещения и здравоохранения, основали во многих странах мира лучшие школы и больницы, руководят ими и работают в них. По экономическому развитию Ирландия занимает высокое место в лиге европейских государств.

В Англии до сих пор бытует карикатурное мнение об Ирландии. 100 лет назад Томас Карлайл сказал, что ирландец «худшее зло, с которым приходится иметь дело нашей стране... Он, живущий в грязи и невежестве, вероломный, неискренний, буйный во хмелю, - живой образец вырождения и беспорядка». Когда Дизраэли обратился в Государственное казначейство за субсидией на строительство Ирландской железной дороги, один из чиновников ответил: «Кто решится ездить по ирландской железной дороге? Пассажир, купивший билет в Дублин, неизбежно будет привезен вместо Дублина в Корк». Отголоски таких взглядов мы слышим и поныне.

Несмотря на совершаемые крайними ирландскими организациями акты насилия и террора, ясно, что в отношениях между Британией и Ирландией не все правильно, и устранением этой ошибки в отношениях следует заняться. Поэтому я решил хорошенько изучить историю Ирландии и посетить эту страну, где я встретил людей с самыми различными взглядами и мнениями.

Однако главное заключалось в том, что я решил заглянуть в свое собственное сердце. Потому, что я - англичанин.

Здесь я хотел бы подчеркнуть различие в чувствовании себя британцем и в чувствовании себя англичанином. Мы стремились отождествлять эти два понятия, поскольку английская культура всегда доминировала в Британии. Английский эстаблишмент,

Джон Лестер

например, в течение многих поколений привлекал к себе тех, в ком преобладал главным образом английский взгляд на правление и надежда на то, чтобы стать его частью. Поэтому некоторые шотландцы и валлийцы могут чувствовать себя частью английского эстаблишмента, в то время, как другие чувствуют себя из него исключенными.

В такую же ловушку могут попасть и иммигранты-негры, приехавшие в Британию. Они могут надеяться стать черными британцами, но, чтобы стать черными англичанами, они должны отказаться от собственного национального наследия.

И североирландское протестантское население может чувствовать себя британцами, но в то же время быть отстраненным от англичан.

В 1922 году Великобритания разделила Ирландию на две части. Южная часть, население которой состоит преимущественно из католиков, стала самостоятельным государством. Шесть же северных ирландских графств остались частью Британии, поскольку большинство проживающего там населения - протестанты, не желающие объединяться с Ирландией. Они убедили Вестминстер принять их точку зрения. Часть католического меньшинства Северной Ирландии продолжает борьбу за единую Ирландию. Это их стремление является проклятьем для протестантов. Такое разде-

Обеспокоенный ирландским вопросом доктор-англичанин чувствует, что он обязан изучить, как клиницист, свое собственное отношение к этой проблеме.

ление населения является естественной причиной настоящих проблем.

Один фермер-католик сказал мне: «Мы имеем полное право выступать с оружием в руках против иностранной державы, чтобы добиться объединения Ирландии». А священник-протестант сказал: «Я бы не простил терроризм, но чтобы защитить наше британское гражданство, мы имеем право, если потребуется, прибегнуть к оружию. Я готов умереть, чтобы остаться британцем». Его высказывание спровоцировало английского политика воскликнуть: «Но Вы не британец, Вы - ирландец».

Нельзя понять настоящего, не зная прошлого, и некоторые события этой сложной исторической саги, показались мне именно той отправной точкой, из которой все исходит.

Возможно, наша проблема заключается именно в том, что мы недостаточно знаем историю.

Вехи истории

В течение тех четырех столетий, когда Англия была колонией древнего Рима, Ирландия состояла из группы свободных королевств, объединенных общим для них всех гаэльским языком и общими традициями. Святой Патрик, крестивший жителей этих королевств в христианскую веру, не разрушил их культуры и с того времени началась тесная связь Ирландии с Христианской Церковью.

Более, чем 800 лет назад первые нормано-английские поселенцы пересекли море и обосновались в Ирландии; за ними последовал король Генрих II, который хотел продолжать управлять ими. С этого времени Англия оказалась замешанной в дела Ирландии.

К концу 16-го века, когда Европу сотрясали религиозные войны между католиками и реформаторами, Англия перешла в протестантскую веру, а Ирландия осталась верна католичеству и Папе Римскому. Поэтому отношение Англии к Ирландии изменилось - с одной стороны считалось, что Ирландию следует наставить на путь истинный, а с другой, что она теперь представляет стратегическую угрозу для Англии, поскольку мы не хотели, чтобы Франция и Испания, две великие католические державы Европы, объединились с Ирландией против нас.

Генрих VIII предъявил права английской короны на все земли Ирландии, а Елизавета I эти права реализовала. Два самых могущественных гаэльских ирландских герцога были вынуждены в 1607 г. бежать во Францию. Их земли, составлявшие большую часть современной Северной Ирландии, были заселены поселенцами-протестантами из Англии и Шотландии. Через 15 лет число протестантов-поселенцев достигло приблизительно 13.000.

В 1641 г. ирландцы-католики нанесли ответный удар по поселенцам, во время которого 12.000 человек были зверски убиты. Кромвиль воспользовался этим массовым избиением протестантов, как предлогом для вторжения в Ирландию и для проведения ряда массовых уничтожений католиков. В 1649 г. он написал о Дрогеде: «Число врагов, защищавших город, составляло около 3000 человек. Я думаю, мы зарубили всех его защитников».

В другом письме он написал: «Я считаю, что варваров-негодяев, обагривших руки кровью стольких невинных жертв, покарал справедливый суд Божий». После карательных экспедиций, Кромвиль конфисковал земли ирландцев-католиков и переселил их в пустынную западную часть Ирландии.

Через 300 лет Уинстон Черчилль писал: «Последствия правления Кромвиля в Ирландии вплоть до наших дней временами подрывают и искажают политику, проводимую Англией в отношении Ирландии. Чтобы залечить эти раны, нужны лояльность и умение нескольких поколений. Проклятие Кромвиля до сих пор тяготеет надо всеми нами».

После Кромвиля в Англии вновь воцарилась монархия. За Карлом II последовал Яков II, перешедший в католическую веру. Яков II назначал на высокие государственные посты в Ирландии католиков, и казалось, что ему удастся уничтожить кромвильские поселения в Ирландии. Но прежде, чем он этого добился, появился из Голландии Вильгельм Оранский, женился на принцессе Марии, которая была второй в линии наследных претендентов на престол Англии, и, когда он признал Биль о Правах, его и

«Это заставило протестантов принять обет «Умереть, но не сдаваться» и бороться в одиночку, так как они поняли, что на Англию нельзя положиться, и это чувство недоверия сохранилось до сих пор»

Марию объявили королем и королевой Англии. Протестантская королевская линия была восстановлена.

Яков II бежал в Ирландию, где он искал поддержку. Но поселенцы-протестанты в Лондондерри захлопнули перед ним городские ворота, а затем осадили город. Спустя длительное время осада была снята английскими кораблями.

Это заставило протестантов принять обет «Умру, но не сдамся» и бороться с католиками, ни на кого не надеясь, ибо они поняли, что на Англию положиться нельзя (и это чувство сохранилось у них и до сих пор).

В 1690 г. Яков II был полностью разгромлен Вильгельмом Оранским в битве под Бойном. Эти события и вызываемые ими чувства до сих пор отмечаются «Маршами Оранжевых» (в честь Вильгельма Оранского, имя которого переводится, как Вильгельм Оранжевый - William of Orange).

В восемнадцатом веке были введены суровые законы против католиков: папистов и конформистов. Католики были изгнаны из парламента и сняты со всех постов на государственной службе. Им было запрещено проповедовать и держать частные школы. Запрещалось им и владеть землей, разрешалась лишь аренда земли сроком не более, чем на 31 год. В случае смерти арендатора, земля делилась между всеми детьми, за исключением тех случаев, когда один из них переходил в протестантство. Тогда он становился наследником всей арендованной земли. К концу 18 века во владении католиков оставалось лишь 5% земли, и многие ирландцы-католики жили в нищете.

Таким образом, протестантство в Ирландии установилось не вследствие добровольного перехода ирландцев в эту веру, а из-за правления Англии и проводимых ею законов, из-за «протестантского происхождения» богатых поселенцев и из-за того, что члены старинных гаэльских католических семей иногда меняли веру, чтобы сохранить свои земли и разные привилегии. В Ирландии до сих пор сохранились великолепные старинные загородные дома таких семейств. Все ирландские католические церкви были в те времена переданы протестантской церковной верхушке и вплоть до девятнадцатого века католическая служба в церквях была запрещена. Хотя в настоящее время население Дублина состоит на 97% из католиков, однако два старинных, имеющих историческое значение дублинских собора (бывшие в давние времена католическими) до сих пор остаются протестантскими.

К 1841 году население Ирландии составляло 8 миллионов. Многие бедняцкие крестьянские хозяйства имели лишь крохотные земельные участки, на которых выращивали картофель. В 1848 году урожай картофеля и в Англии, и в Ирландии был уничтожен грибковым заболеванием. В Англии, где фермеры не зависели от урожая одной культуры, это было лишь неприятностью. В Ирландии же неурожай картофеля обернулся настоящей катастрофой. Тогдашнее английское правительство свято верило в рыночную экономику и боялось, что бесплатное снабжение Ирландии пищевыми продуктами нарушит баланс рыночной экономики. Они привыкли думать об ирландцах, как о лодырях и бездельниках. И, поскольку при существовавших в те времена средствах передвижения время для преодоления расстояния от Лондона до Ирландии было весьма значительным, многие, не побывав там, не могли охватить масштаба развертывавшейся катастрофы.

Для наблюдения за помощью, оказываемой Ирландии, был назначен англичанин Чарльз Тревелиан. Через некоторое время он отдал распоряжение о прекращении оказания помощи, написав: «Я твердо уверен, что для людей и так уже сделано слишком много».

Реальное же положение вещей становится ясным из письменных сообщений с мест. Мировой судья писал: «Я посетил некоторые лачуги... и представшие предо мной сцены оказались столь ужасны, что их не передать ни пером, ни словами. В первой я увидел шесть заморенных голодом, казавшихся мертвыми, худых, как скелеты, людей, лежавших, прижавшись друг к другу, в углу на грязной соломе, едва прикрытых лошадиными рваными попонами, из-под которых торчали их ноги, голые выше колен. Я подошел ближе и, услышав тихие стоны, понял, что они еще живы. Они были в лихорадке - четверо детей, женщина и потерявший свой облик мужчина».

Приходской священник писал: «С сожалением должен сказать, что ежедневно бесчисленное количество людей умирает от голода; общественные связи почти распались. Изнеженные чиновники, удаленные по своему положению от этих отчаянных, разрывающих сердце сцен, могут и не иметь о них никакого понятия и, по-видимому, и не желают о них знать».

К 1849 году от голода погибло от 800.000 до 1.000.000 ирландцев. Еще 1.500.000 были вынуждены эмигрировать по большей части в Америку или Канаду. За десять лет население Ирландии сократилось на одну треть.

Именно с этого времени и всего, что было пережито за те годы, прослеживается ирландский национализм в

Ирландская семья в 1845 году -
их урожай картофеля погиб из-за бурой фитофторозной гнили картофеля

его современной форме - с глубоким желанием свободы и независимости, с его героями и мучениками - с конфликтующим противоречивым давлением на последующие британские правительства со стороны тех, кто требует независимое ирландское государство, и со стороны протестантского сообщества, неизменно считающего себя британцами.

Отдельные люди и группы людей стараются перекинуть мост через этот разрыв. К сожалению, некоторые члены каждого сообщества, в том числе и нашего, ведут себя карикатурным образом. Разговор в Стормонте, штабквартире правительства Северной Ирландии, заставил меня подумать, что я нахожусь в Лагосе или в Дели в колониальные времена.

Прелат протестантской церкви описывал мне, как его врач (католик) пригласил на свои торжественные проводы на пенсию. Проводы состоялись в небольшом городке в 2 милях от дома прелата. «Проводы были прекрасные, - рассказывал он, - но виски, который я ненавижу, гаэльские песни и ирландские народные танцы были мне совершенно чужды. Я чувствовал себя так, как если бы я был в Южной Африке в Соуэто».

Один крупный католический деятель рассказывал мне, как его пригласил на обед в клуб-столовую командир отделения британской армии в том городе, где этот католик живет. Он думал, что ему удастся объяснить хоть немного чувства католической общины города. Но разговор за обедом шел лишь о том, можно ли посадочную площадку для вертолета разметить под площадку для игры в крокет.

Люди живут в страшном напряжении и под гнетом. Доктор, лечащий семьи католиков, рассказывал мне, что ИРА часто желает использовать дома его пациентов в качестве своих укрытий. Если хозяева сопротивляются, им угрожают оружием. Когда «ребята» уходят, является следившая за ними служба безопасности. На людей давят, требуя информацию, но, если они ее дают, они знают, что ИРА вернется и им отомстит. Неудивительно, что в этих местах много заболеваний, вызванных нервным перенапряжением.

«Если бы силам безопасности разрешили работать, как в условиях военного времени, и интернировать лиц, находящихся под подозрением, без суда, - сказал мне один из начальников полиции, - мы могли бы значительно ослабить деятельность ИРА». Однако, хотя ИРА рассматривает проводимую ею кампанию как военную, интернирование без суда считается непродуктивной мерой борьбы с ИРА. В отношении этой организации применяются законы мирного времени, и суд требует доказательств вины обвиняемых, исходя из презумпции невиновности. Он принимает такой подход, невзирая на вытекающую из него опасность, грозящую суду и его людям. Он и его люди - пример большой отваги, проявляемой многими в Северной Ирландии.

«Мы в Англии осуждаем ирландский национализм, но с трудом признаем свой собственный английский национализм»

Чем больше я читал и слушал, тем яснее представлял мышление и надежды на будущее людей в католическом и в протестантском сообществе Северной Ирландии. Ну, а что же мы? Мы в Англии осуждаем ирландский национализм, но с трудом признаем свой собственный английский национализм.

Меня учили гордиться своей страной. Когда я был ребенком, большая часть карты мира еще была окрашена в красный цвет (цвет британской империи), но с каждым годом все больше стран, бывших частью британской империи, приобретали независимость. Я гордился достижениями Британии, основавшей империю и сумевшей затем ликвидировать ее при минимальном кровопролитии.

Позже я понял, что люди из других частей света имели иную точку зрения. Поляки напоминали мне о Ялтинском соглашении, китайцы об опиумных войнах, южноафриканцы о концлагерях во время войны с бурами, а ирландцы о событиях, описанных мною выше. Многие страны имели на нас обиды.

Я понял, что нынешняя ситуация в Ирландии - результат нашей многовековой политики в отношении этой страны. Но это меня не вполне удовлетворяло. Как могли мы сознательно творить такое зло во времена Кромвиля и во время голода в Ирландии, хотя, конечно, тогдашние взгляды на гуманность значительно отличаются от теперешних. Я предположил, что должны же были быть смягчающие вину обстоятельства. Или же это было вызвано чертами нашего национального характера, которые существуют до сих пор?

Наша семья жила некоторое время в Бирмингеме, и наш старший сын ходил в единственную католическую школу в бедном районе города. Многие мальчики были из ирландских рабочих семей. Я думал, что свободен от предрассудков и был вполне доволен школой, пока мой сын не перенял язык, акцент, взгляды и поведение этих ребят. Я стал беспокоиться, что школа мешает ему быть истым англичанином. В это время нас пригласили на католическую церковную службу (мессу) для родителей и учащихся, которая должна была состояться в школе. Я сидел там, англичанин, специалист с высшим образованием, среди многих менее образованных родителей и их детей. Я был в смятении, потому что обнаружил, что вопреки своим взглядам, я испытываю к ним презрение.

Я ничего не имел против того, что мой сын с ними учится и встречается, но я не хотел, чтобы он стал одним из них. Нечто вроде ненависти к тому, что они могли бы причинить нашей семье, поднималось в моей душе, а ведь я должен был принять вместе с ними Святое Причастие. Внезапно я понял, что это было бы лицемерием. Мне казалось, Христос говорит мне: «Я умер за них и за тебя. Я возлюбил их так же, как возлюбил тебя. Почему же ты их не любишь?» Для меня это был - выбор. Я привык считать себя уравновешенным, объективным и непредубежденным, а тут внезапно понял, что без Бога в моей душе много дурного, такого, что нужно вылечить, от чего нужно очиститься.

Я могу теперь сказать, что мы истинно стали равны между собой, когда стояли перед Богом, коленопреклоненные у алтаря.

Поняв свою собственную нужду в Божьей помощи, я впервые понял и то, что равенство во всем связано с прощением. И в этот момент тяжелая ноша неосознанного и неоправданного чувства превосходства была снята с меня, и я ощутил любовь к этим людям. Это чувство росло. Я начал понимать и то, как велик наш долг перед Ирландией за вклад ее в религию и в просвещение, сделанный не только в европейских странах, но и далеко за их пределами.

Я привел лишь пример из моей личной жизни. Я должен был сделать этот шаг, и он позволил мне вникнуть в какой-то степени в сущность британской политики и понять, почему она была такой, какой она была. Исторические события вытекают из проводимой политики, а политика определяется отношением к действительности и занимаемой при этом позиции.

Если наша политика была сформирована нашим национальным характером, мне кажутся важными и некоторые другие черты моего характера. Например, ощущение своего превосходства и умение владеть ситуацией; уверенность в правильности своих суждений; способность сдерживать свои эмоции и не лезть в драку, чтобы оставаться объективным. Это одни из тех качеств, которые позволили англичанам создать империю и сформировать ее такой, какой она была. Эти качества лежат в основе английского национализма. В них есть положительная сторона. Но их изнанка, грешная изнанка, тяжелым ярмом легла на Ирландию и повредила ей.

Терроризм ИРА справедливо осуждается и вызывает протест в Британии. Его осуждают и многие из тех в Ирландии, кто разделяет республиканские взгляды и стремится достигнуть целей, поставленных республиканцами; терроризм ИРА осуждает и церковь, чувствующая ответственность за судьбы молодых

мужчин и женщин, занимающихся террором. Террористы должны отвечать за свои действия, но, если наша политика привела к ситуации, полной несправедливости, и не дает ей рассосаться, являемся ли мы причиной, толкающей их на террор?

Протестантское сообщество было создано в Ирландии в наших интересах. Протестанты считают себя обложенными врагом, лишенными друзей, терроризируемыми теми, кто желает видеть объединенную Ирландию, где для протестантов нет места, и где они будут всегда в опасности; они боятся, что Британия бросит их на произвол судьбы. Почему нас не считают британцами, как англичан, валлийцев и шотландцев?- спрашивают они.

Но мы не можем оправдать и действий протестантских экстремистов. Однако же их далекие предки оказались в Ирландии из-за нашей политики, для того, чтобы управлять в ней нашими делами, чтобы поддержать протестантскую веру, чтобы Ирландия оставалась лояльной Британии. Нам теперь неловко, что они продолжают преследовать цели, инициаторами которых были мы, что у них то же отношение к окружающему, которое было у нас. Мы считаем, что с ними трудно иметь дело и отдаляемся от них, увеличивая их изоляцию. Все это показало мне роль, которую мы сыграли в создании теперешней ситуации и обстановки, в которой им сейчас приходится жить. Как часто конфликт становится неизбежным из-за испытанной неудачи или давнего греха.

Когда я понял все это, я почувствовал острую необходимость покаяться за все совершенное нами в Ирландии.

Позиция Британии тоже сложна. Мы признаем всю глубину своей ответственности перед населением Северной Ирландии и понимаем, что не имеем права умыть руки в сложившейся ситуации. Когда происходят пересмотры дел, например, четверки из Гилфорда, шестерки из Бирмингема и четверки из ЮДР (Ольстерский Полк Обороны) и оказывается, что британская система правосудия потерпела неудачу, мы испытываем справедливое беспокойство. Самым печальным является то, что мы не видим возможности всеобъемлющего политического решения ирландского вопроса; не видим такого выхода из сложившегося положения, который бы не нанес серьезного вреда законным надеждам обеих сторон.

Невозможно, например, удовлетворить желания борцов за республику, не предав интересов протестантов, и наоборот. Мы должны учитывать также, что существуют и те, кто беспардонно используют исторические несправедливости в своекорыстных целях.

Само наше присутствие и присутствие нашей армии в Северной Ирландии превращают нас в мишень для атак. Мы не можем уйти, не отрекшись от возложенной на нас населением Северной Ирландии ответственности. Нас тоже обидели. Мы - третье сообщество в Северной Ирландии, с которым поступили несправедливо. Террористические акты и насилие, направленные против нас, не вынудят нас уйти. Но они усиливают творимые беззакония и куют новые звенья в цепи ненависти. Поэтому и нам, как сообществу, нужно научиться прощать.

Политики должны исследовать все возможные пути окончательного решения ирландского вопроса. Но такому решению должно предшествовать исцеление душевных ран - и на личном уровне, и на уровне отношений между сообществами. Исцеление душевных ран наступает не вследствие проведения точного анализа ситуации или проявления большой политической мудрости, а ниспосылается, как дар Божий, когда перед ликом Господним люди испытывают искреннее раскаяние.

Такое исцеление может привести к событиям, казавшимся невероятными. Оно могло бы стать примером прощения, в котором так нуждается мир сегодня.

История Англии и Северной Ирландии тесно переплетены друг с другом. Британцы, как и многие другие народы, предпочитают держать сложившуюся ситуацию под контролем, а не думать, что в их политике чего-то не хватает. Однако тот факт, что и мы, и ирландцы испытываем в этом отношении одинаковые чувства, подсказывающие нам, что в британской политике есть какой-то дефект, является крепчайшей связью между нами; это прекраснейший дар, которым Британия и Ирландия могли бы вместе поделиться со всем миром.

Британия имеет многовековые связи с народами в различных частях света. Многие из этих связей требуют, как и англо-ирландская связь, исцеления душевных ран и прощения обид, так как и здесь существовали схожие ситуации. Если бы мы сумели понять и признать наши ошибки и попросить за них прощение, мы внесли бы в дело мира на земле вклад такой величины, который нам даже трудно представить.

Я чувствую необходимость сделать такой шаг и в своей душ и внутри сообщества, к которому я принадлежу, - с этого и следует начать. ■

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ВСЕ ЕЩЕ БОРЮЩИЙСЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Бывший когда-то Президентом Югославии, Милован Джилас стал диссидентом, предсказывающим кризис коммунизма. В 1991, Лейф Ховелсен дал следующий портрет человека, труды которого стали пророческими.

Милован Джилас, считавшийся когда-то опасным врагом Советского Союза, прошлой осенью (1990) получил неожиданное приглашение - не более, не менее, как на празднование годовщины Русской Революции в советском посольстве в Белграде. Лицо, передавшее приглашение, пошутило: «Может, это последнее празднование в честь революции». «Ну, если так, то я обязательно приду», - усмехнулся Джилас.

Джилас, являющийся одним из выдающихся людей нашего века, пожалуй, приобрел наибольшую всемирную известность за свой, ставший классикой, труд *Новый класс*. Родился Джилас в Черногории в г. Коласин и теперь ему исполнится 80 лет. Он вырос на небольшой ферме, один из семерых детей. В 18 лет он уехал в Белград, чтобы изучать литературу и право в Белградском университете; здесь в 1932 году он стал членом коммунистической партии, бывшей в то время нелегальной. В следующем году его арестовали за организацию антимонархической демонстрации, и он был заключен на три года в тюрьму Шремска Митровица. Вскоре после освобождения он познакомился с Тито, генеральным секретарем югославской коммунистической партии. Вдвоем они возглавили партизанское движение сопротивления нацистским агрессорам во время Второй мировой войны. Брат Джиласа погиб под пытками в Гестапо; две сестры и отец тоже погибли во время войны. После войны сербы и хорваты, часто воевавшие в противоположных лагерях, стали сводить счеты. И по сей день Джилас остается весьма противоречивой фигурой для многих жителей бывшей Югославии, поскольку его имя связывают с жестокими репрессиями, творимыми коммунистами. Обсуждая недавно это время с группой студентов в Норвегии, Джилас выразил сожаление об этом «черном и позорном периоде нашей истории».

Тито и Джилас стали одними из послевоенных вождей Югославии. На вершине своей славы Джилас был вице-президентом, Президентом Федерального Собрания, главным идеологом компартии Югославии и генералом армии. Рядовые члены компартии думали, что он станет преемником Тито на посту президента. И он бы мог стать им, если бы не старался всегда так яростно добиваться правды.

Осуждая политику, проводимую компартией Югославии, он в начале пятидесятых годов опубликовал в газете *Борьба* ряд статей, в которых предостерегал Югославию от развития «государственного капитализма», который он наблюдал в СССР.

Он утверждал, что партия должна развить небюрократическую форму правления, допускающую многопартийную систему, свободу мысли и свободу прессы. «Только путем свободного обмена идей, критического подхода к некоторым из применяемых нами методов, мы выработаем плодотворную форму дальнейшего развития. Ничто так разрушительно не действует на социализм, как подавление инициативы, как монополия бюрократии над человеческой мыслью».

Открытую критику, высказываемую Джиласом, партийное руководство не могло стерпеть. На чрезвычайном пленуме ЦК Лиги коммунистов, Джиласа сняли со всех постов. Он вышел из партии. Затем американский журнал *The New Leader* опубликовал его статью *The Storm in Eastern Europe* (*Буря в Восточной Европе*). Джилас оказался после этого в той самой камере тюрьмы Шремска Митровица, куда, в свое время, он попал при монархическом режиме. Его трехгодичное заключение началось с 20-ти месячного мучительного одиночного заключения - он рекомендовал, не совсем в шутку, что не мешало бы испытать это всем государственным деятелям и политикам - «Такое одиночество помогает пересмотреть свою прошлую жизнь и разобраться в сложных вопросах».

«В глубине души я знал», - пишет он в своем *Тюремном дневнике*, - «что, если я не пересмотрю логически все, за что выступает коммунизм, я потеряю уважение к себе, как к свободному человеку. Мой спор с партией возник из-за того, что я понял, что идеи, сами по себе, не делают людей ни великими, ни ничтожными; такими их делают используемые ими средства. Все бесы, которых, как считал коммунизм, ему удалось изгнать из будущего и из настоящего мира, проникли в душу коммунизма и стали частью его сути».

Именно в тюрьме он написал свои лучшие книги. Они вдохновили не одно поколение диссидентов на Востоке и многих ителлектуалов и политиков на

Западе. *Новый класс*, фактически написанный в тюрьме, был тайком вывезен на Запад. Его опубликование произвело фурор. В нем Джилас обвинил партийных боссов и чиновников в создании новых общественных структур, служащих их собственным интересам, в замене прежнего правящего класса новой, защищаемой системой элитой. Джиласа судили и признали виновным в «умышленной попытке скомпрометировать социализм, как идею, и международное движение трудящихся», и срок его тюремного заключения продлили еще на шесть лет. Хотя его освободили через четыре года, публикацией на Западе его *Разговоров со Сталиным* он «заработал» еще пять лет тюрьмы.

Милована Джиласа наконец освободили в последний день декабря 1966 года и разрешили воссоединиться с его женой Стефанией и их сыном Алексой в скромной квартире в центре Белграда, где он живет до сих пор.

Стефания Джилас и сама была героем сопротивления и ежедневно рисковала своей жизнью, будучи связной. В отличие от Милована, она сохранила свое звание капитана партизанской армии. Однажды, когда я был у них в гостях, она велела мужу принять лекарство и, чуть улыбаясь, сказала: «Я, наверное, единственный капитан на свете, приказывающий генералу». Она - и медсестра, и секретарь, и консультант своего мужа, и любезная хозяйка, принимающая множество иностранцев и представителей средств массовой информации, приходящих в их дом. Когда ей не спится, она вяжет друзьям шарфы.

Долгие годы новый правящий класс презирал и ненавидел Джиласа, время от времени за ним вела слежку тайная полиция. Сейчас, однако, все изменилось. Никто его уже не преследует, не чурается. С 1989 г. все его книги публикуются на сербо-хорватском языке, некоторые из них стали бестселлерами. Хотя до сих пор он еще не полностью реабилитирован государством, он стал главным гуру интеллектуалов и культурной элиты, а также учителем тех, молодых и старых, кого интересует новое будущее Югославии. Два года назад, когда я гулял с ним в Белграде, к нему подошел хорошо известный писатель из Черногории и обнял его. «Я был против Вас, - сказал он, - но Вы всегда были правы».

Для тех, кто имеет счастье быть другом Милована, жизнь уже не будет такой, как прежде. Его обезоруживающая честность и поиски правды никого не оставляют равнодушными. Слушая его рассуждения о текущих мировых событиях, начинаешь понимать, как много следует пересмотреть, от скольких поверхностных мнений и незрелых идей следует отказаться. Может это его качество - результат перенесенных им страданий. «Глубокая интуиция, способность проникновения в самую суть не приходят сами собой, за них приходится платить дорогой ценой», - писал он в своей книге *Тюремный дневник*.

Когда гуляешь с ним по улицам Белграда, его шутки и рассказы оживляют здания и памятники, мимо которых мы проходим. Трем часовщикам, сказал он мне, приказали сделать часы с кукушкой в честь Ленина, чтобы выбрать лучшие. У первого часовщика кукушка выскакивала и выкрикивала: «Да здравствует наш вечно живой вождь революции Владимир Ильич Ленин!» У второго кукушка выскакивала с криком «Под знаменем Владимира Ильича коммунизм победит во всем мире!», а у третьего вместо кукушки с криком «Ку-ку» выскакивал сам Ленин.

Джилас никогда не был антикоммунистом. В отличие от большинства диссидентов, которые появились при коммунизме, он пошел дальше разоблачения лживости коммунистической идеологии и указал путь выхода из противоречия. Он возражал в первую очередь и главным образом против лжи, а не против партии как таковой.

По его мнению, основной недостаток коммунизма заключается в том, что он противоречит человеческой природе. «Коммунистическая партия по своей структуре монополистична и тоталитарна. Человеческая натура по своей сути плюралистична. Человек по натуре зол и грешен и в то же время добр и праведен. Постоянная борьба зла и добра в нас - основа существования человечества. Это значит, что мы должны стремиться быть лучше, искать идеалы добра, иметь добрые намерения, но в то же время знать, что зло всегда в нас».

Он утверждает, что капитализм, несмотря на его недостатки, успешней коммунизма, потому что он ближе к человеческой натуре, позволяет людям более свободно выражать свою сущность. Любой человек способен творить, полон идей, воображения и видения. Человека можно угнетать какое-то время, но поколение за поколением угнетать невозможно. «Для роста обязательно нужна свобода».

Он понимает, что «личная свобода реальна лишь в той степени, в которой она допускает свободу для других людей, свободу для всех... лишь тот радуется свободе, кто за нее страдал, кто познал, что она важней, чем сладость и радости жизни, чем даже сама жизнь». Он продолжает надеяться, что люди способны измениться. ■

ПРАВ ИЛИ НЕ ПРАВ, ЭТО МОЙ НАРОД

Гражданская война в Югославии, конфликт на Кавказе и другие очаги Европы, где крушение коммунистического режима оказалось ящиком Пандоры, откуда вырвались на волю духи исторически накопившейся ненависти.

Майк Лоу пытается разобраться в том, как можно с этим справиться.

Шандор Фазакаш недавно отправился в Америку с визитом. Заполняя документы при въезде в страну, в графе «национальность» он поставил: «венгр». «Почему же у вас румынский паспорт?» - добивались от него сотрудники службы иммиграции США. Такие понятия, как «страна», «нация» и «национальность», практически взаимозаменяемы во многих государствах, на многих языках.

Фазакаш - пастор из города Надьвард (на Западе знают его румынское название Орадея), в Трансильвании, расположенной ныне на территории Румынии, но больше века входившей в состав Австро-Венгерской империи. В то же время восточные земли нынешней Румынии входили в Оттоманскую империю. С 1815 года Габсбурги контролировали территорию, которая ныне составляет страны: Австрия, Венгрия, Чехословакия, южная Польша, часть Италии, южная Германия и западная часть недавней Югославии (Хорватия и Словения). Остальная её террито-рия находилась под управлением Оттоманской империи наряду с теми землями, которые ныне составляют страны: Турция, Албания, Болгария, Греция и Румыния. Различные национальности жили рядом в соседних деревнях как граждане одного государства.

Изначально существование этих империй было основано на религии. В случае Оттоманской империи это был ислам, в Австро-Венгрии Габсбургов - католичество. Секулярзация XIX века уступила место новой политической концепции национальности как нации, непременно обладающей своей собственной государственностью.

К тому времени, как Первая мировая война привела к распаду империй, право наций на самоопределение стало установленным общепринятым принципом, но неосуществимым на практике.

Как сказал сенатор парламента Италии, представляющий немецкоязычный район Южного Тироля, и Президент Федеративного Союза Европейских Национальностей, доктор Миттердорфер, «национальное государство, само собой разумеется, понимаемое как государство, созданное для народа одной национальности, будет выступать против меньшинства и не признает культурного разнообразия. Для такого государства политика ассимиляции или избавления от других национальностей, представляется справедливой, даже обязательной. Только так может быть достигнута однородность нации».

Период между двумя мировыми войнами характеризуется для Центральной и Восточной Европы конфликтами как внутри вновь образованных стран, так и между ними. Людей естественно заботила судьба тех их соплеменников, которых на их глазах включали в состав другого государства. В свою очередь государства, в составе которых оказались такие меньшинства, не желали терпеть никакого вмешательства в свои внутренние дела. «Так, уже заранее, программировались конфликты» - говорит д-р Миттердорфер.

Вторая мировая война принесла с собой позорное окончательное решение некоторых из этих задач. Уничтожение фашистами 6-ти миллионов евреев и полумиллиона цыган привело к удалению большей части этих меньшинств из Центральной Европы. Большинство евреев, выживших в тот период, переселились после войны в Израиль и другие страны. Антинемецкие настроения привели к выселению германского меньшинства: так из Судетской области Чехословакии, например, было выселено почти 3 миллиона.

Украинское меньшинство в Польше настойчиво сопротивлялось польским силам в форме конфликтов на местном уровне. В результате этого их проблема была разрешена путём выселения украинских сообществ с привычных мест и переселения их в другие районы Польши, где им легче было приспособиться.

Венгрия потеряла большинство своих меньшинств с потерей своих территорий в пользу соседей, которые в свою очередь приобретали вместе с ними венгерское меньшинство. (Приблизительно 5 миллионов венгров живёт за пределами Венгрии при том, что 10 миллио-

нов - внутри страны.) К концу 40-х годов государства Центральной Европы достигли достаточно национально однообразного населения для того, чтобы осуществить понятие национальных государств на практике.

На Балканах этот процесс оказался менее завершённым. С 1941 по 1945 годы фашистский режим Усташей в Хорватии проводил по отношению к своему православному сербскому меньшинству безжалостную политику: поначалу они выселяли их из Хорватии в оккупированную немцами Сербию, а затем, когда немцы отказались брать больше населения, они принялись отправлять сербов в концентрационные лагеря. Точные цифры под вопросом, но погибли десятки тысяч сербских мужчин, женщин и детей. В то же время партизаны «Сербский Четник» убивали хорватов и мусульман в борьбе за своё сербское государство.

Успех партизанской войны Тито затмил сообщения о его зверствах. Движение Тито привлекло к себе поддержку всех этнических групп Югославии, включая хорватов, ужаснувшихся жестокости режима Усташей. Послевоенное коммунистическое правительство запретило Православной церкви обращаться с обвинениями в Трибунал по делам о военных преступлениях или в ООН.

По словам редактора ежемесячного журнала *Уорлд Тудэй* (Мир сегодня) Королевского института международных дел, хорвата, живущего в Лондоне, Кристофера Цвица, эти события оказали травмирующее действие на сознание сербов. «Возможно, свободные и открытые дебаты между народами Югославии непосредственно после окончания Второй мировой войны с обсуждением того, КТО КОМУ ЧТО сделал, могли бы рассеять мифы и смягчить до некоторой степени чувства ненависти, вызванные в тот период. Как бы то ни было, навязанная коммунистическим режимом фальсифицированная версия событий способствовала накоплению и нагнетанию тех чувств.»

В нынешнем конфликте представляются невероятными такие свободные и открытые дебаты между людьми, однако ясно, что никакое прочное решение невозможно без элемента прощения за все прошлые и настоящие зверства.

Так же, как империи Габсбургов и Оттоманская, Российская империя тоже была многонациональной, её существование тоже было основано на религии, в данном случае это было православие. Аналогично тому, что произошло с теми империями в то же самое время, по мере ослабления религиозных принципов усиливался рост национализма.

По удивительной аналогии с ситуацией настоящего времени, в 1917-1918 годы объявили независимость Польша, Финляндия, Балтийские страны, Белоруссия и Украина. То же самое происходило в Средней Азии - мусульманские народы: казахи, башкиры и киргизы; на Кавказе - грузины, армяне и азербайджанцы совместно объявили о создании Федеральной Республики Закавказья.

Ленин понял силу национализма и пошёл в этом направлении. 2-го декабря 1917 года правительство приняло Декларацию прав народов России, которая гарантировала, помимо прочего, право наций на самоопределение, включая право на отделение от России и образование своего национального государства.

Всё было не так просто, поскольку там же правительство настаивало на том, что принцип самоопределения должен служить оружием в борьбе за социализм и быть верен принципам социализма.

В ходе революции Российской империи удалось избежать распада на национальные государства. Взамен прежней возникла новая империя с марксистской идеологией, утверждавшая практически, что «все национальные разногласия и антагонизм между народами постепенно, день за днём исчезают, а благодаря диктатуре пролетариата они исчезнут ещё быстрее».

По сути, согласно московскому филологу, специалисту по национальным проблемам, Гасану Гусейнову, в Советском Союзе «вся административная система была организована таким образом, что в каждом регионе большинство угнетало меньшинство. Из Прибалтийских республик выселили и переселили в Сибирь сотни тысяч людей, а взамен - туда поселили сотни тысяч прибывших из разных мест России рабочих. Сейчас почти половину населения Эстонии составляют потомки тех переселенцев. Из других республик целые народы-меньшинства были отправлены в Сибирь. Теперь они хотят вернуться обратно, но их дома заняты, так возникают новые конфликты, жестокие беспорядки».

Разумеется, многие дети и внуки выселенных с родных мест стремятся вернуться на землю предков. Все крымские татары, немцы Поволжья, чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы и другие были насильно выселены с родины и переселены в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию. После смерти Сталина, при Хрущёве многим из этих народов была возвращена автономия, но не всем, в частности, крымские татары продолжали добиваться возможности вернуться в Крым. В 1954 году Хрущёв передал Крым Украине в подарок к 300-летней годовщине присоединения Украины к России. В настоящее время в Крыму, куда наконец-то вернулись потомки выселенных крымских татар, возникают конфликты.

Гасан Гусейнов описывает современную ситуацию: «Мы живём в обстановке, где ощущается рассеянная в воздухе агрессивность. В стране напряжение, но в чём или в ком причина его - люди не могут точно определить. Всё насыщено ненавистью, а лучший козёл отпущения для ненависти - это меньшинство. Корни гнева можно найти в том, что советская система слишком долго отрицала индивидуальность. Личность не имела права на существование сама по себе. Нам всегда говорили, что каждый из нас лишь часть

группы, класса, народа, от нас ожидалось некритическое исполнение того, что исходит от группы.

Жители бывшего Советского Союза нуждаются в перевоспитании, аналогичном процессу денацификации, который предприняли жители Западной Германии после войны. Например, мы должны понять истинное значение слова: демократия. Это означает права большинства угнетать меньшинство. Неправильное толкование этого понятия привело к тому, что некоторые наши меньшинства, веками жившие на этой земле, вынуждены её покидать - так 60 тысяч греков эмигрировали в Грецию, 2 миллиона немцев и 2.5 миллиона евреев подали на эмиграцию, а также много других.»

Национализм как любовь к своему народу может быть очень творческой силой, как находит русский религиозный философ Семён Франк, глубокая идентификация себя с определённой общностью приближает человека к всемирному, но если такая идентификация исключает уважение к другим культурам, национализм становится разрушительным. Многие бывшие марксисты создают опасную ситуацию, эксплуатируя узкий национализм в качестве способа удержаться у власти.

Шандор Фазакаш считает, что во многом напряжение между венграми и румынами в Трансильвании создано искусственно. «Лучший способ добиться управления и манипулировать людьми - это разделяй и властвуй», - говорит он. - «Политика последних лет режима Чаушеску была такой, а затем её продолжал и Национальный Фронт Спасения. Они пытались играть на страхах румын, что мы отберём Трансильванию, включив её в состав Венгрии.»

Неизвестно точное число проживающих в Трансильвании венгров, но согласно церковным записям, Фазакаш оценивает его где-то в пределах между 2-мя и 3-мя миллионами. Там проживает также многочисленное немецкое меньшинство. Существуют материалы, которые свидетельствуют о том, что в период Средних веков там проживало весьма смешанное население. Состав румынского населения возрос после Первой и Второй мировых войн. Румыны, жившие в Трансильвании из поколения в поколение, в большинстве своём говорят на своём диалекте, а венгерское, так же, как и немецкое население, говорит по-румынски. «Веками мы жили как добрые соседи, в то же самое время успешно продолжая сохранять свою национальную принадлежность», - рассказывал он. - «Можно говорить о специфически трансильванской культуре, даже об особой её духовности, которая позволяла это совместное существование».

Недавние конфликты, такие, как взрыв жестоких столкновений в городе Тиргу-Мюрес, по мнению г-на

Д-р Миттердорфер

Фазакаша, выявили эту трансильванскую духовность, так что венгры должны были разделить с румынами вину за происшедшее. «Нужны две стороны, чтобы возник конфликт.»

Со стороны венгров упор делался на право обучения в своих школах на родном языке. «Это вопрос о правах человека. Наш опыт меньшинства научил нас, что недостаточно рассчитывать на добрую волю большинства... Без неравенства в области образования у нас будут широкие возможности уладить наши разногласия».

Фазакаш не знает такого движения, цель которого вернуть Трансильванию Венгрии. «При перемене границы невозможно избежать нанесения вреда и ран общественности той или другой стороны... Вместо этого мы должны пытаться научить людей принимать друг друга, создавать новую моральную атмосферу для улаживания наших разногласий».

Таким меньшинствам пригодилась бы помощь жителей Западной Европы в том, чтобы перейти от идеи национального государства к идее Европейского сообщества. Как сказал профессор Гусейнов: «После Чернобыля, вероятно, весь мир отвергнет идею тотального национального суверенитета, потому что небо над нами неделимо».

Д-р Миттердорфер, который консультировал венгерское правительство по делам нового конституционного законодательства по обеспечению защиты прав меньшинств, разделяет надежды на такую помощь. «Дальновидные государственные деятели послевоенного периода сразу поняли, что необходимо умерить национальную вражду в Европе, если они не хотят,

чтобы она потеряла всё своё политическое значение. Национальный эгоцентризм и постоянные конфликты интересов должны были уступить место прочному конструктивному товариществу. Надо было похоронить все старые наследственные враждебные отношения».

От страшного разгрома Второй мировой войны произошёл переход к замечательному воссоединению Германии с её бывшими врагами. Этому во многом способствовали такие государственные деятели, как Конрад Аденауэр в Германии и Роберт Шуман во Франции. Они оба были католиками, в их стремлении возродить Европу можно проследить корни их веры. «Это не вопрос изменений политики, это вопрос изменений, происходящих в людях, их преобразования» - писал Шуман в 1950 году.

Громадный вклад в успех восстановления отношений между недавними врагами внесли и церкви, и мирские организации. Многие немцы проявили настоящее мужество тем, что не отворачивались от своей вины, откровенно осознали её; их недавние враги поступили не менее мужественнно, прощая их. Такие свойства сейчас более всего необходимо распространить на восточно-европейскую общественность.

«Для национального государства границы всегда священны. В наше время они всё больше представляются шрамами истории, - говорит Миттердорфер, продолжая: «Тем не менее «европейская нация» не должна стать «плавильным котлом». Успешной она может стать лишь при разнообразии составляющих её частей. Необходимо сохранять множество языков и культур, даже меньших народов. Культурное разнообразие составляет истинное богатство Европы, её марку, её отличительный признак».

В поддержку этого Европейское Сообщество создало и финансирует в Дублине «Бюро мало распространённых языков», а также поддерживает региональный подход к построению «Новой Европы». Набирает силу идея субсидирования, способствующего передаче наверх только тех дел, которые невозможно лучшим образом решить на местах.

Двадцать лет тому назад д-р Миттердорфер был одним из тех, кто выработал решение о положении в районе Южного Тироля в Северной Италии, где трудное положение немецкого меньшинства вылилось в беспорядки. Прогресс начался после того, как совместная делегация немецких и итальянских жителей этого района посетила центр движения Моральное Перевооружение Ко в Швейцарии, чей опыт учит тому, что люди могут разрешить самую напряженную ситуацию, если они вовлечены в поиски воли Божь-ей. Он сказал: «Самым значительным моментом для меня было, когда я принял на себя личную ответственность и был готов честно признать, где я поступил плохо».

В Швейцарии, где региональная система представляется почти священным принципом, всегда существовали национальные конфликты. Франкоязычный район Жюра был присоединён к немецкоязычному кантону Берн по решению Венского конгресса 1815 г. после окончания наполеоновских войн. С тех пор до его формирования как отдельного кантона в 1974 году народ района Жюра боролся за свою независимость. Франсуа Лашат, член парламента этого кантона, также исполняет обязанности вице-президента Ассамблеи европейских регионов, которая занимается вопросами положения меньшинств Центральной и Восточной Европы.

«Мы слишком легко противопоставляем интересы государства и нерушимости его границ праву народа решать судьбу своего будущего», - говорит он. Таким образом, он считает, что весы склоняются в пользу статус-кво, а часто и авторитарных порядков. «Свобода означает, что люди имеют право принимать решения о своём будущем. Равенство означает, что они имеют право быть другими. Их целостность как народа означает право на их культурную и национальную целостность».

Д-р Миттердорфер соглашается: «Права расовой группы - это и есть права человека», - говорит он и критикует правительства за то, что они не принимают решений о признании групповых прав различных меньшинств на Европейской Конвенции по правам человека. «Сегодня нам срочно необходимо законодательство о правах расовых и этнических групп. Тогда мы могли бы предложить бывшим коммунистическим странам конкретную помощь: механизм для разрешения их национальных проблем, чтобы предотвратить превращение в открытые вооружённые конфликты».

Однако одного законодательства недостаточно для разрешения такой ситуации, как та, что сложилась в нынешней Югославии и грозит повториться по всей Восточной Европе. «Новый мировой порядок», провозглашённый по окончании холодной войны, похоже, превращается в «Новый мировой беспорядок».

Д-р Миттердорфер, который занимался проблемами меньшинств более 20 лет, знаком с всеми трудностями; его собственный опыт показывает, что помимо законодательства, уважения к правам человека и даже примирения, требуется что-то ещё. Он ссылается на пример святого 15-го века Николауса фон дер Флю, который, будучи убежден в том, что Бог поможет ему понять, как умиротворить жестокую вражду между швейцарскими кантонами, спас Швейцарию от гражданской войны. «Нам необходима такая молитва сейчас, а также и поиск Божественного плана, который сам по себе часть этой молитвы». ■

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

Я ЗАМЫШЛЯЛ УБИЙСТВО

Джим Саттон

Есть такая наклейка для ветрового стекла: «Жизнь сучья, а там и помрешь».

Так и я смотрел на свою жизнь. А почему? Годами я старался жить мирно и счастливо, или как там еще полагается, чтобы считать, что жизнь имеет смысл. И, однако, надо признать, за что бы я не брался, все шло не так, все выходило боком.

Жена стала пить. Дети ушли из дома, как только появилась возможность. А я каждую минуту каждого прожитого дня чувствовал, что нервы мои натянуты до предела.

Теперь, когда вспоминаю об этом, я понимаю, в чем была проблема - я всегда ставил себя на первое место. «Подойдет ли это для меня? Какая мне от этого польза?» Лишь получив удовлетворительный ответ на эти вопросы, начинал я уделять внимание кому бы то ни было, кроме себя. И все, кто меня окружал, от этого страдали.

Жена, конечно, знала какой я эгоист. Всю жизнь она старалась угодить мне; уводила детей, чтобы они не беспокоили меня, если я был утомлен, зол или подавлен - а в таком настроении я был почти всегда.

Но я никогда не признавал, что в моей неудачной жизни виноват я сам, и всегда искал виновного на стороне.

Я был из тех людей, которым надо подойти к самому краю пропасти, прежде, чем они поймут, что следует изменить свой путь. Потребовалось много лет, обид, тоски и горя, пока я это понял. Но, когда такой момент подошел, изменение во мне произошло с небывалой быстротой.

Когда я ушел в отставку со службы в ВВС, все вначале, казалось, пошло хорошо. Я нашел хорошую, надежную, сулившую порядочную пенсию работу на гражданской службе, где великолепно оценили мою высокую квалификацию. У нас был уютный дом. Но от скуки у меня скулы сводило, и я был уверен, что в этом городке я никогда не буду счастлив. Семейная жизнь никогда еще не была на таком низком уровне. Я думал: «Есть же в жизни что-нибудь, кроме этого?»

По своей работе я бывал за границей. Во время одной из поездок я познакомился с одной женщиной, и завязался роман. Длился он недолго и не принес того иллюзорного счастья, о котором я мечтал. К чему он несомненно привел, так это сделал жизнь моей жены еще несчастней.

Однако мы с женой кое-как помирились и решили переехать в Испанию и начать там новую жизнь.

Джим Саттон

Дикая ярость

В Гибралтаре мы встретили нашего старого друга, бизнесмена, и я стал его партнером. По глупости я вложил в дело больше, чем сумма, которой я мог бы рискнуть. Вскоре дела пошли плохо. Я стал сомневаться в правильности некоторых коммерческих решений моего друга и тем ранил его гордость. Он стал мне лгать, не держал обещаний и, вообще, стал подводить меня на каждом шагу.

Вскоре стало ясно, что нужно наше партнерство кончать. Мы согласились насчет дня, когда он вернет

ОКОНЧАНИЕ НА 38-Й СТР.

Вера Лашкова говорит с представителем журнала «На пути перемен» о своей вере в Бога

Почему вы веруете в Бога?

Я родилась в православной семье, и веру я получила от родителей и от моей бабушки; я хорошо помню себя маленькой в церкви. В юности я не потеряла веру, но во мне преобладали мирские дела. И вот эта детская сердечная вера из меня ушла, и вернулась я к вере, когда попала в тюрьму. Мне было двадцать лет, и именно в тюрьме почему-то так произошло, что в первые дни я стала нуждаться в Боге. Он мне стал необходим, потому что мне было очень трудно. Но Бог первый ко мне пришел, это просто была Его милость ко мне, да и я вспомнила молитвы и стала молиться, и стала думать о Нем, и очень явственно ощутила, что Он мне помогает. И во мне не было отчаяния и не было тоски, хотя, конечно, было трудно. Я вышла из тюрьмы другим человеком, то есть, я вышла человеком сознательно верующим и нуждающимся в Боге.

Как вы попали в тюрьму? За что вас арестовали?

Смешной вопрос в нашей стране, где людей сажали в тюрьму и убивали просто ни за что, просто потому что они не были согласны с официальной политикой, которая всегда была лживой. В частности, я думаю, что мои друзья - и я вместе с ними - именно потому попали в тюрьму, что не могли смириться с той ложью. Был составлен сборник о процессе Синявского и Даниэля, где был представлен подлинный процесс, не так как он подавался в наших официальных газетах, и где была вся полнота правды; я обвинялась в распространении антисоветских материалов, связанных с этими событиями. Это не считалось бы преступлением в любой другой стране, в любом нормальном человеческом обществе. Один год (1968) я сидела под следствием в тюрьме, и потом меня выпустили, и я три года не жила в Москве. Семидесятая статья - антисоветская агитация и пропаганда - изготовление и размножение материалов, порочащих советский общественный и государственный строй.

Как вы узнали о своей вере в тюрьме?

Очень трудная часть тюремной жизни, это быть вместе с человеком, который подбирается так, чтобы он во всем был тебе чужд, чтобы он досаждал тебе и делал тебе неприятное. У меня было три женщины; все три были уголовницы, и они были посажены со мной в камере только для того, чтобы передавать каждое мое слово: то есть они стучали на меня. Очень трудно любить чековека совершенно тебе чуждого. Тем не менее я хорошо понимала, что нужно сохранить мир между нами, и это получилось - ну может быть не любовь, но, по крайней мере, какое-то уважение и мир. Священного писания, Библии, нет в камере, и я прибегала к такому не очень оригинальному способу: я очень любила Льва Толстого - хотя он еретик в церковном понимании; все его романы - особенно *Воскресенье* - пронизаны текстами из Писания, и я их выписывала для себя. Таким образом я как бы имела возможность читать части Священного писания - мне это было очень важно. И я помню, что я даже у Горького выписала большой кусок из Писания и очень радовалась этому: как глоток воды было. И таким образом Лев Толстой был учителем, потому что он очень много мучился этим же вопросом - отношениями между людьми - как сохранить мир в собственной семье, которая его не понимала. Я у него училась - то есть он мне действительно помогал примириться с чуждым мне человеком. И, да, в конце концов у меня возникла какая-то привязанность к этим женщинам. Даже выйдя из тюрьмы, я принесла передачу одной из них - она в чем-то нуждалась.

Почему для вас важна правда?

Сердце мое не могло мириться с ложью: когда говорилось одно, а делалось другое; когда громко говорилось о победах и повышении благосостояния народа, а на самом деле народ становился все более и более бедным и нищим. Мои мать и отец не могли заработать достаточно для достойной жизни.

Почему для вас так важна Православная церковь?

Православная церковь для русского православного человека - это вся полнота жизни, потому что русская культура и великая русская литература зародились в лоне церкви. Фрески, архитектура, икона, дивные богослужебные тексты, вся служба православная - все это есть русская православная культура, и вне ее я просто не мыслю для себя жизни, потому что вся красота, и поэзия, и правда, и вера - все это в церкви.

Почему для вас важно поститься?

Это неотъемлемая часть веры; Господь тоже постился. Он постился, когда был искушаем дъяволом. Вообще, пост это как бы твоя жертва Богу - совершенно добровольная - мы должны жертвовать Богу, который даровал нам жизнь. Это делается добровольно. Я не предаю посту значение какого-то медицинского или чего-то подобного, - это действительно добровольное приношение Богу. Я думаю, что пост, сосредоточивая человека на внутренней, духовной жизни, и немножко освобождая его от мирских, очень трудных сейчас вопросов, все-таки дает ему возможность немножечко приблизиться к Богу, немножечко посвятить себя все-таки Ему. Это дает огромные силы и для души и для тела.

Что может сделать Православная церковь для современной России?

Это очень глубокий вопрос. Она может сделать очень много. Я думаю, что поругана душа человеческая. В частности, это видно в тех социальных болезнях, которые сейчас вылезли таким букетом, что мы не знаем, куда от них деваться. Церковь может просто помочь человеку в прикладном смысле - что она сейчас и делает - но как-то успокоить его, как-то утешить, и это видно по людям, которые приходят в церковь, видно, какими они входят в храм, и видно, какими они выходят, все-таки немножко другими, немножко примиренными и, может быть, что-то начинающими понимать. Ведь корни всего этого лежат очень глубоко. Достоевский говорил о том, что, вообще, сердце человеческое - это поле битвы между Дьяволом и Богом. Я думаю, что люди очень нуждаются в том, без чего они не могут жить: в Боге, в церкви. Господь мне помог, и я вернулась к Нему. Хотя я не просила об этом, Он сам ко мне пришел, и я думаю, что все верующие люди знают, что Бог и молитва Ему помогают. Мы должны молиться о том, чтобы Бог помог нашей стране. Это не означает, что мы не должны ничего делать. В частности, церковь сейчас ведет огромную социальную работу, открывает школы для детей, и окормляет их Словом, помогает и делом нуждающимся, больным и одиноким. Церковь сейчас по мере своих сил помогает. И кроме того, она занимается своим прямым делом: она возрождает храмы. Церковь может вместе с государством сделать почти невозможное: возродить нашу жизнь на основах христианских. Государство без помощи церкви не сможет создавать достойную жизнь. Церковь не должна быть государственной церковью. Церковь, конечно, немножко на земле, но все-таки большую часть вне земли и ее устремлений. Церковь не может участвовать в политике - это совершенно однозначно. Церковь не должна заниматься политикой.

Что вас больше всего тревожит в новом русском обществе?

Меня беспокоит больше всего то, что огромное количество людей, пытающихся как-то возрождать нормальную демократическую жизнь в нашем государстве, не могут договориться друг с другом - это относится и к нововозникшим группировкам и, конечно, к кровавым конфликтам, которые на территории нашей бывшей огромной страны везде возникают. Меня это очень тревожит и огорчает, потому что льется человеческая кровь. Это говорит о том, что люди не в состоянии прийти к какому-то общему человеческому знаменателю, на чем-то договориться, а преследуют свои интересы. Если под этим кровь, значит, там не может быть правды. И так хочется, чтобы это все как-то прекратилось, чтобы мир воцарился: ведь таким образом невозможно.

Что вы можете сказать одиноким людям?

Я думаю, что таких людей сейчас очень много, и я их сама видела там в деревне, где я жила в ссылке. Я всегда помню двух очень старых женщин, которые в вымершей деревне живут совершенно всеми оставленные. Они работали всю жизнь очень тяжело, и, конечно, они больны. И они должны заботиться сами

о себе. Ближайшая помощь находится в шестидесяти километрах. Ведь нет ни телефона, ничего. Я спросила одну из этих женщин, что она будет делать, когда ей станет плохо, и она не сможет позвать никого на помощь. Она сказала: «Ну, Верушка, что ж я буду делать? Вот так: руки положу и Богу душу предам». Совершенно потрясающе. И абсолютно полное упование - вот только на Божию волю. Ей не пришло в голову, что она имеет право на какую-то социальную помощь - она даже не думала об этом. Вот вся ее направленность на волю Божию. Таких людей очень много. Я думаю, что если они веруют, то они уже не одинокие. Если они не веруют в Бога, конечно, представить их одиночество невозможно. Только Бог помогает в таком состоянии.

Вы боитесь смерти?

Вопрос не простой. Я, пожалуй, дерзнула бы сказать, что я не боюсь смерти, потому что я не верю в смерть. Смерти нет. Это нам сказал Господь. Вот я верю и в это, хотя я понимаю, что мне придется пройти через умирание, то есть через страдание, наверно, болезни. Но если Бог посылает болезни, испытания и страдания, то хотелось бы перенести их с мужеством, и не потерять упование и веру в Бога. У Бога все живые. Я не боюсь смерти, потому что земная жизнь - это очень малая часть жизни, которую нам суждено жить вечно, на самом деле. И вот в эту вечную жизнь я верую. Вера в Бога дает радость. Бороться приходится очень много, но только с тем что мешает этому, с тем что стоит между Господом и тобою. Грехи стоят между нами: они нас разделяют. Если бы их не было, то жизнь в Боге была бы просто настоящей радостью.

Хотите ли вы что-нибудь добавить?

Каждый человек должен хотеть прийти к Богу, потому что, на самом деле, это достигается некоторыми усилиями. Не нужно бояться их делать, и не нужно это откладывать. Господь сказал нам, что царство Божие трудом берется и этот труд нам и заповедан. Именно этим мы должны по-настоящему трудиться; хотя, живя на земле, мы должны исполнять свои обязанности очень добросовестно и, по возможности непринудительно и добровольно, и в труде находить радость. Но труд пути к Богу гораздо более радостный и необходимый, а на самом деле он должен быть единственным. Иногда человек не может сформулировать свою веру; она не обязательно формули-руется в данных социальных обстоятельствах, но правда вложена в душу человеческую. И очень бы хотелось, чтобы каждый человек все-таки нашел свой путь к Богу, потому что другой радости на земле нет. ■

НАЧАЛО НА 35-Й СТР...

мне сумму, которую я вложил, и я выйду из бизнеса.

Наступил этот день и прошел. Произошло именно то, чего я опасался. Денег он мне не вернул.

Вранье и невыполнение обещаний продолжались. Сказать, что я был зол, было бы слишком мягко. Я был в дикой ярости, я света не взвидел. Самым ужасным было то, что я чувствовал свою полную беспомощность, ощущал себя совершенным идиотом.

Я задумал жестокую месть. Одним из специфических приемов моей прежней профессии было, если требовалось, убийство людей. Я замышлял убийство.

К счастью, в это время мы гостили в доме наших друзей-христиан. Я увидел у них книгу о лютеранском пасторе Фрэнке Букмане. Он так ненавидел некоторых людей, нанесших ему обиду, что просто заболевал от ненависти. Услышав женщину, читавшую проповедь о том, как Христос своею смертью на кресте искупил наши грехи, Букман решил извиниться перед людьми, которых он ненавидел. Ему стало сразу легко прошли его болезни.,

«Могло ли бы это и мне помочь?»- стал думать я.

И, в конце концов, я сказал моей жене: «Я думаю, нам следует пойти к нашему другу и попросить у него прощения за то, что мы чувствовали к нему ненависть».

Она решила, что я сошел с ума. «Прочти это», - сказал я ей и протянул книгу о Букмане.

Мы поговорили обо всем этом и потом, впервые за много лет, я помолился.

Попросить об этом прощения было, пожалуй, самым тяжелым делом в моей жизни. Однако опыт удался. Злость моя прошла. И когда я нашел силы попросить прощения, я понял, что способен простить. Этот случай стал поворотным пунктом в моей жизни. Я изменился. И в первый раз за все время я смог себе признаться, что не только мой партнер по бизнесу был во всем виноват. Чувства мои изменились настолько, что я подумал: «Верно в христианстве есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд».

Я решил прочесть больше книг по этому вопросу и в результате стал глубоко верующим человеком.

Когда вся моя жизнь сосредотачивалась только на мне, и я был абсолютно эгоцентричным, существование мое было непрерывной цепью кризисных ситуаций. Лишь получив этот болезненный урок и поставив в центр не себя, а идеи христианства, мне стало легче наладить свою жизнь. ■

Попробуем говорить трезво

Гасан Гусейнов

Когда люди говорят, что они - «дети такой-то эпохи», это уже означает, что они хотят снять с себя значительную долю ответственности за то, что происходило в их времена. Во всяком случае, это способ разделить ответственность со столь большим числом людей, что собственно «на нашу» долю останется детская порция. Положа руку на сердце, я должен отнести себя к разряду «ни в чем не виноватых» как раз в означенном смысле. Вместе с тем я хорошо понимаю, что так же должно чувствовать себя чуть ли не подавляющее большинство моих сограждан, годами или десятилетиями с большим или меньшим рвением мирившееся с режимом, в котором ложь и презрение к человеку господствовали на протяжении всей его истории

Само сознание того, что мы, советские (как и жители некоторых других стран), принадлежим к особой человеческой породе, как бы выведенной некими специалистами для определенных социальных целей, и что вот на наших глазах, а главное - на виду всего остального мира вся положенная в основу селекции «наука» на наших глазах обратилась в прах, - это достаточный повод для массовой фрустрации невиданного размаха.

Естественная и простейшая форма самозащиты людей от такой фрустрации - объявить себя *не причастными к потерпевшему поражение сообществу*. Иными словами, сказать всему миру: мы не те, за кого вы нас принимали.

Во всяком случае, мы только *раньше были ими*.

Ну, хоть и это вранье, мы, на худой конец, теперь знаем, что надо сделать, *чтобы больше не быть такими*.

При честном взгляде на вещи мы бы поняли, что крах советского режима изменил только политический момент, сдернув покров *только с поверхности исторического процесса*, в глубине которого по инерции продолжается производство и воспроизводство *нового человека и даже нового общества*.

Недуг тоталитаризма остался с нами - на всем пространстве бывшего СССР.

Новый человек и новое общество называются другими именами, но способ организации, методология строительства, да и сами чертежи все те же.

Национальный человек и национальный рай.

Единственно верное определение личноси и единственно верная политическая стратегия

Культ народной правоты и мудрости. Культ бдительности с чужаками: меньшинствам должно быть указано их настоящее место, соседи должны трепетать.

Первенство *своих ценностей перед любыми общими нормами*.

Поиск единственного вождя.

Оформление централизованного государства.

Живой человеческий напор, с которым идет создание на территории бывшего СССР новых национальных государств, вызывает инстинктивную поддержку у всякого, кто, как пелось в начале «перестройки» у Виктора Цоя, требовал «перемен!», кто понимает, что к полузамороженному существованию 70-х и 80-х годов (не говоря уже о первом 50-летии Советской власти) никто и никогда не захочет больше вернуться.

Но означает ли это, что нам, советским - и бывшим, и тем, кто хочет стать другим, - на роду написано искать себя в толпе, видеть свое я растворенным в диктующем жизнь и предзаданном *мы?*

«Как один человек, мы пойдем...»

Сколько судеб сломала эта великая ложь политиканов и негодяев, у скольких поколений навсегда отбила орган личной ответственности!

Вчерашнему *сыну своего времени* сегодня предлагается стать *сыном своего народа*. Вместо всяких там *перемен* с неопределенным исходом тебе предлагается неотдираемая маска, несмываемый цвет волос, неизменная форма носа, культ твоего зоологического вида.

Иными словами, вместо раскрепощения человека предложено обратить его в рабство. Вместо перемены, нам предложено коснеть в убожестве.

Сдернув покров лживости с одного социального учения, мы без паузы очутились во власти другой лжи.

Как вырваться из этой новой лжи?

Дьявольская живучесть тоталитарной идеологии в нашем, советском исполнении объясняется, среди прочего, тем, что десятилетия двоемыслия воспитали десятки миллионов людей в духе глубочайшего от-

вращения ко всякой коммунальности, к любым призывам к социальной ответственности.

Всюду, где декларировалось общественное благо и всеобщее счастье, царило массовое бесправие, и теперь каждый из нас, советских, приезжая впервые на встречи МПВ в Ко (Caux), не может избавиться от глубоко сидящей бациллы недоверия к той совершенно новой, не вполне доступной нашему восприятию атмосфере *свободного сообщества*, которая создана здесь, в сущности, за те же несколько десятилетий, в течение которых *сама идея социальной ответственности истреблялась из общественной жизни нашей страны.*

Из полутора лет жизни на Западе, и в том числе в общей сложности месяца, проведенного в Ко, из многих встреч с людьми, связавшими свою жизнь с МПВ, а теперь ставшими добрыми друзьями моей семьи, самый драгоценный для меня опыт - это - да не обидятся на меня мои друзья! - *терапия здравой коммунальностью*, это ненавязчивое предложение самой неожиданной для меня, советского, вещи на свете - учиться мыслить социально.

О, я прекрасно понимаю, что сами эти слова - мыслить социально - способны вызвать только раздражение у моих соотечественников. Сколько мы слушали наших знающих истину патентованных социальных учителей, сколько тысяч раз мы приходили заниматься очередным бессмысленным делом, называя его «общественной работой»!

И теперь вот, приехав в швейцарские Альпы, сидя над Женевским озером на нагретой солнцем скамейке, думать о социальном? Что, пример дедушки Ленина не дает покоя? Ведь именно здесь отец-основатель советского государства, мысля вполне социально, пришел к идее того самого общественного переворота, от последствий которого ты и твои соотечественники все никак не можете излечиться!

И все-таки именно так: мыслить социально - не уча и не поучая других, но стараясь понять свой опыт в отражении чужого, *обобществив свои собственные недуги, найти подступы к лечению*. Так лекарство, найденное в одной лаборатории, может - в случае его эффективности - распространиться по всему свету. Но только единственное условие, как с этим лекарством, приходиться соблюдать и здесь, в школе Ко: не навязывая никому того, что от начала до конца не испытано на тебе самом. Это касается и жизненных ценностей и социальных норм.

Рискуя противоречить своим собственным ламентациям по поводу порабощения бывших советских людей новой социалистической идеологией, я с горечью сознаю, что должен сегодня удерживать себя от глубочайшей неприязни к борцам за рациональное возрождение. Конечно, в конце концов ее можно объяснить экзистенциально: мне, как говорили у нас не в столь уж далекие времена, «безродному космополиту», просто нет места среди националистов-возрожденцев. В действительности, проблема все же сложнее.

Жизнь в плюралистическом обществе учит терпимости. Это правда, но правда и то, что условием общественной терпимости может быть только личная твердость. Так вот, мною, возможно, и приобретен опыт терпимости, но урок твердости духа пока не усвоен.

Вот почему я боюсь, что сегодня, перенося этот новый опыт политической терпимости в нашу постсоветскую среду, легко поддаться древнему, как мир искушению быть заодно с большинством - демократическим или национально-возрожденческим, искушению *стать в строй,* так и не выказав необходимой твердости в ответе на мучительные вопросы времени. Главный из них для меня сегодня звучит так: почему, невзирая на все перемены последних лет, *идеологический чеовек по-прежнему торжествует?* И является ли бегство от идеологического человека единственным способом противостояния ему? ■

Чужая вина

Владимир Зелинский

Было: единое пространство, географическое, политическое, идеологическое. Было единое будущее неминуемое и светлое, предназначенное для всех, кроме нескольких отщепенцев. Была даже одна идейно-этническая общность: советский народ. И вдруг ничего этого не стало: ни единой общности, ни пространства. Все стало делиться на части, дробиться на куски. И у разделившихся частей сразу же почти ничего не оказалось общего. Кроме разве что общей бедности и взаимной общей вины.

Рухнувшая система всегда представляла себя в виде огромного целенаправленного строительства. Она словно плыла из прошлого в будущее со своим народом-строителем на борту. Но время шло, и двигалась она все медленней и вместо того, чтобы перегонять другие системы, которые никуда не плыли и ничего не строили, только отставала от них. И отставала все больше. И вот, чтобы совсем не отстать, систему решили подвергнуть капитальному ремонту. Ее захотели перестроить прямо на ходу. Чтобы затем запустить заново в том же направлении. В направлении вековой мечты человечества.

Во время перестройки выяснилось, что механизм системы так заржавел, что запаса движения в нем осталось совсем немного. Рано или поздно он должен был остановиться. И тогда толкатели, инициаторы или, как их называли, прорабы перестройки совершили то ли отчаянный, то ли опрометчиво идеалистический шаг. Они залезли в самое нутро когда-то запущенного механизма, к которому нельзя было прикасаться, и разъяли то, что было сцеплено всегда намертво, запаяно навеки: аппарат идеологии и сопровождавшее его насилие. Идеология создавала иллюзию единства: страны, народа, его географического пространства, его политической общности и прогрессивных идей. Насилие, когда открытое и кровавое, когда почти скрытое и разлитое в атмосфере, растворенное в воздухе, которым дышали все, превращало иллюзию в жесткую повседневную реальность. И когда вера, бывшая до сей поры принадлежностью и прерогативой государства, перестала быть принудительной, перестала быть единственно возможной социальной позицией, система стала тотчас разваливаться и тонуть. И потонула у нас на глазах.

Все произошло неописуемо странно и совершенно естественно. Вековая мечта, вытащенная проворной гласностью из привычной, специально для нее поддерживаемой среды обитания, сорванная с раскрашенных плакатов, вдруг приобрела какой-то ядовито синюшный цвет. Оказалось, что она не мечта вовсе, а мумия, что пролежала парадной и нарумяненной более семидесяти с лишком лет, и при соприкосновении со свежим воздухом сжалась, сморщилась и рассыпалась в одночасье. Но не успела она рассыпаться, как уже выяснилось, что она, собственно, и не жила никогда. Кто-то подбросил ее как труп. Кто-то распространил ее на шестую часть земли, отравил ею народы этой шестой части, принудил их ее исповедывать. И всем стало интересно узнать, кто же именно.

Потонувшая система оставила огромный и расплывающийся след: проблему виновности. Она, может быть, и затонула только наполовину, она еще держится на плаву, как уже начался розыск виновных. Кто виноват? - спрашивали в России в прошлом веке. Кто не виноват? - спрашивают теперь. Все виноваты, все другие, напоившие нас вином блудодеяния, как говорит Апокалипсис. Когда система была еще монолитной и торжествующей, было более или менее ясно, кто за нее виноват. Теперь, когда она раскололась, у вины появилось множество национальных лиц.

В каком-то смысле проще всего оказалось окраинным малым народам. Беда пришла к ним из имперского центра. Народы Прибалтики хорошо помнят тот день и час, когда у них отобрали родину, включив ее в общее, советско-социалистическое пространство. Советы явились к ним на танках, котрые для них, оккупируемых, были русскими, социализм пришел в сопровождении карательных спецотрядов, которые тоже были русскими, и его сопровождали знаменитые тройки или особые совещания, которые тотчас принялись судить их за измену чужой, огромной, агрессивной, русской стране. Русские - виноваты.

Это они принесли на их землю свой мат-диамат, на котором они только и могли изъясняться. И другие скрежещие слова: штрафбат, компромат, гулаг, спецприемник. И ничего иного они принести не могли. Им нужно только поскорей уйти и убрать за собой. Подмести мусор своих лозунгов и казарм. Заплатить за экономический ущерб. И, главное, поскорее забрать с собой и свое, завезенное на чужую землю, население, которое все еще говорит на своем имперском языке и не умеет быть ни литовцами, ни латышами.

Эта новая идеология, жестоко подавляемая во время господства предыдущей, неуклонно овладевает массами. И даже - вполне по Марксу - становится материальной силой. Она проста и неодолима: те, кто когда-то пришли на танках, должны запереть за собой свою российскую дверь с другой стороны. Но как только дверь начинает закрываться, открывается процесс против тех, кто остался по эту сторону двери и воплощает собой угнетавшую прежде систему и национальность. Я говорю о процессе, прежде всего психологическом и даже подсознательном, протекающем на том уровне, где национальность еще не отделяется от системы. Однако он быстро разрастается, делается общественной атмосферой, облекается в законы и

ограничения - между коренной, пострадавшей нацией и некоренной, исконно империалистической. И вот, что интересно: не те, кто был в прошлом гоним и подавлен, но те, кто был отлично вписан в систему, ею пригрет и устроен (даже и в тайной полиции), сегодня более всех усердствует в розыске русской, чужой вины. Ибо это все очень удачно освобождает от своей. Или же хорошо ее компенсирует.

Вариантов русской вины сейчас, наверное, столько, сколько существует пострадавших малых народов на территории распавшегося Союза. Как реагируют на это сами россияне? Ответ на этот вопрос зависит то того, что для них Россия. Для кого она - мистическая, нравственная или музыкальная величина, те, в общем, не обижаются. Но для тех, для кого Россия начинается прежде всего с армии, державы и твердого порядка, распространившегося и на территории всех покоренных народов, для тех нынешний период ее истории должен представляться кошмаром. Одна уязвленная память выкликает другую, одна чужая вина начинает препираться с другой.

В ответ на проклятия русскому империализму следует всегда возражение, и справедливое, что первой жертвой его оказались сами же россияне. Что России в этом веке пришлось хуже, чем ее соседям, что революция ударила больнее всего по ней. Что ее лицо топталось особенно долго и жестоко. Что ущерб, принесенный ей, непоправим. Что количественно ее жертвы, ее потери превосходят все остальные.

Все это столь же бесспорно, сколь неубедительно бесполезно. Для других. У них - свои беды, у нас - свои. Вернее, одна огромная беда, которая закрывает весь горизонт. И в этом ощущении единственности и неповторимости своей беды таится своя опасность. И свои, разумеется, мифы, развивающиеся по собственной логике.

Все мелкие проявления неприязни, все колкие отзывы о русском характере, все сепаратистские центробежные силы (вон из России) в единый слагаются заговор. Заговор называется русофобией и уверен он в том, что Россия и ее народ оказались в тайном, жестком кольце целенаправленной ненависти. Эта ненависть большей частью невидима, замаскирована, но тем более разрушительна. В заговоре участвуют: Запад и его агентура, захватившая девять десятых российской печати, все разговоры о правах человека, развалившие СССР, неисторические сравнения Сталина с Иваном Грозным, известная фраза Чернышевского, что все в России рабы, или иная фраза, и вовсе неприличная для цитирования, а также множество всяких других фраз, литературных произведений вместе со своими авторами, но более всего, конечно, тот самый малый народ, внедрившийся в русское пространство.

Что касается малого народа, то сколько он себя помнит, он, должно быть, не отдыхал от заговоров. В Средние века, например, его считали виновником эпидемий чумы в Европе, и за это его жгли на кострах или бросали в Сену. Чуму 20 века в Россию занес опять-таки он, и пока еще не заплатил за содеянное. И вот, пока еще не наступил срок оплаты (ведь рано или поздно он все равно наступит), более трехсот тысяч граждан бывшей зачумленной империи покидают ее ежегодно. Едут уже практически все: и те, кто доживает восьмой десяток, и те, кто еще не зашевелился в материнском чреве. Потому что им-то, последним, может быть, как раз и придется платить. Платить за то, что натворили Маркс, Троцкий, Ягода и Каганович. И бабушка Ленина.

Как бы ни были ловки эти триста тысяч, из нищего барака не вывезешь много имущества. Остаются стоматологические инструменты и даже, может быть, скрипки и флейты, уезжают руки и головы. Уезжают будущие печальные остроты и строчки, которым по-русски уже не сложиться: Сестра моя-жизнь и сегодня в разливе..., Я изучил науку расставанья в простоволосых жалобах ночных.... Потому что не будет здесь таких умоповоротов, таких сердцеворотов, как писал Розанов. Другие будут, но не такие. Уезжают незаработавшие мастерские, неоткрытые магазины, и навсегда уходит тот российско-иудейский воздух, о котором Георгий Федотов сказал: блажен, кто им когда-либо дышал. Уезжают также несостоявшиеся патриотизмы: русский, грузинский, литовский... И уезжают также давние и недавние, сосчитанные и несосчитанные обиды.

Обиды имеют свойство откладываться в подсознании, что передается от поколения к поколению. Одно поколение прошло через погромы, другое - через гетто, третье, даже как будто и не пострадав, только продрожало всю жизнь под взглядои номенклатурных рыл - все это передается по цепочке четвертому и пятому, которое запоминает только - мир ненавидит евреев. Ненавидел всегда и будет ненавидеть и впредь. И чтобы выжить в таком мире, нужно за каждый удар воздавать втрое, если не вдесятеро.

Мы легко замыкаемся в свои обиды и долгую память о них, или в обиды других на меня. И это подспудное пребывание в темнице обид создает свою темницу-вселенную, где единственный свет - моя правда и моя единственная боль. Ощущение, что мне (моей нации, классу или иной какой общности) всегда хуже всех, разрастается в целую идеологию, которая творит свой черно-белый мир: здесь мы, здесь они, и ров между нами. В России все начинается сегодня с простых житейских вопросов: почему ты здесь, у нас на земле, когда тебя на ней не должно быть? Почему они заставляют меня говорить на их языке, когда раньше можно было говорить по-человечески? Зачем ты - еврей, когда другие нормальной национальности? и т. п. Каждое из этих почему и зачем указывает носителя чужой вины. И они, носители, и мы, охотники за этой виной, твоей вины передо мной, его вины перед ним, вины твоих родителей перед моими внуками - оказываемся во власти своих наваждений.

В этом наваждении прежде всего исчезает хрупкое чудо человеческой личности. И чтобы избавиться от этой одержимости чужой виной, следует взглянуть на то, что в человеке лежит глубже национальности, исторической роли и отношений с другими - на лежащий на нем отсвет Божий. И тогда можно будет сказать вместе с Достоевским: Каждый перед всеми за всех виноват. И пока пространство бывшей империи не превратилось в кромешное выяснение взаимных претензий, единственный выход из всего этого (по слову Солженицына) - только вверх, только к свету, который есть внутри нас. ■

Научимся ли мы другому языку?

Денис Драгунский

Одна шестая часть земли грозит превратиться в одну пустую часть - на просторах бывшего СССР идет разговор на языке межнационального общения, который люди и народы прочно усвоили за семь десятилетий коммунистической власти.

Этот общепонятный и общепринятый язык - язык насилия.

Ключевые слова этого языка: отнять, ликвидировать, уничтожить, диктатура, принуждение. Насилие как всеобщий принцип жизненной организации было заложено в программных документах партии коммунистов. Не надо верить тем, кто продолжает убеждать бывших советских граждан, что коммунисическая идея воплощала светлые мечты о всеобщем равенстве. К слову сказать, эти мечты аморальны и греховны. Никто, кроме Бога, не может даровать или отнимать жизнь и счастье; ничто, кроме Закона, не может распоряжаться правами и имуществом граждан.

Разумеется, стремление решить все проблемы силой - коренится в глубине человеческого сознания, в том его дальнем углу, где хранятся родовые воспоминания о первобытном стаде. В конце концов, весь путь цивилизации можно представить себе как долгую дорогу от примитивного насилия к праву, от уничтожения слабых к состраданию и помощи, от войн к переговорам. Коммунизм растормозил именно те инстинкты, которые обуздываются цивилизацией. Боюсь, что именно к дозволенности насилия, в его якобы моральной оправданности - и заключается притягательность коммунистической идеи для толпы, для нравственно неокрепших людей. Таких людей - десятки миллионов. Открещиваясь от коммунистических идей, проклиная собственное прошлое, призывая все земные и небесные кары на головы бывших вождей, они остаются носителями идеи насилия.

Вот, например, весьма типичное рассуждение: можно ли создавать независимые государства на территории СССР, если одна республика специализировалась на нефти, другая на газе, а третья раньше кормила всю страну хлебом; теперь каждая будет пользоваться своим монопольным положением, начнется взаимный экономический шантаж, а далее полный хаос.

Эти рассуждения на первый взгляд совершенно мирные - в них нет ни слова о пересмотре границ, о привилегиях для коренной национальности за счет меньшинства и т. п. Тем не менее здесь все равно господствует идея насилия как единственного способа решать межгосударственные проблемы. Орудием политики становится задвижка на газопроводе или разобранные рельсы железной дороги (хорошо еще, что не гранатомет или подразделение десантников). Но главное - сама мысль об ином, ненасильственном решении спорных проблем мало кому приходит в голову.

В итоге люди, известные всему миру своими демократическими убеждениями, призывают правительство одной суверенной республики послать войска на помощь другой республике в ее войне против третьего независимого государства. Неважно, кто прав в этой войне - важен призыв к эскалации насилия. А кстати, сама идея - отыскать, какой именно народ виноват в межнациональном конфликте - тоже взята из учебника насилия. Найти виновную сторону, опозорить и покарать ее - и думать, что таким образом восстанавливается мир и справедливость.

Но можно ли осуждать людей, которые выросли в этой среде и просто не знают никакого другого языка? Насилие в нашей жизни было способом выживания - и человек, желающий себе и своим детям более или менее нормальной жизни, был вынужден на каждом шагу использовать насилие, никому не доверять, топтать слабого, холопствовать перед сильным, и детей учить тому же. А главное - истово верить, что только сила, помноженная на хитрость и душевный холод, позволит хоть как-то продержаться на плаву. Альтернативы? Социальное дно, душевная болезнь. Или активный протест - значит, тюрьма или эмиграция. Или, может быть, уход в монастырь? Но ведь многомиллионный народ не может весь превратиться в бродяг, диссидентов или сумасшедших, как и не может разом постричься в монахи или вдруг сняться с места и уехать в так называемый цивилизованный мир. Вот и приходится осваивать грамматику насилия.

Плоды такого ученичества мы пожинаем в полной мере. Но только сейчас, глядя на нескончаемый карабахский конфликт и смертельно опасаясь российско-украинской конфронтации, мы начинаем осознавать главное - с помощью насилия мы никогда не сможем решить ни одну из наших проблем. Это понимание очень скоро заставит нас переоценить само воззрение на роль насилия в жизни, на его моральный фундамент.

Традиционно героем считался тот, кто добивался своего с помощью силы. Но сейчас героем окажется тот, кто сумеет противопоставить насилию добрую волю, кто может во имя будущего не ответить на насилие, кто первый сможет воткнуть штык в землю. Это касается не только кровавых межэтнических столкновений. Все, что нам предстоит - безработица, снижение жизненного уровня, волны переселенцев и беженцев - это испытания на терпимость и человечность. Надо осваивать язык ненасилия в обыденной, повседневной жизни. Для этого, правда, нужна куда большая сила духа, чем для продолжения конфликта. ■

ПРОДОЛЖАТЬ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ СВОИ ОТЛИЧИЯ

Христиан Делорме

В нашем мире ни страна, ни народ, ни нация не может больше жить, обратившись исключительно внутрь себя. Помимо роста и укрепления международных связей, население большинства стран в наше время представляет собой многообразие культур и расовых групп. Это порождает, в особенности в более богатых западных странах, страхи, конфликты и повторяющиеся вспышки расизма.

Я полагаю, что эти страхи преимущественно порождаются ложным пониманием того, как идентицифировать свою группу, в чем состоят наши отличия. Мы думаем, что должны строго придерживаться того, что всегда было присуще именно нам, как будто наши отличительные особенности были закреплены неподвижно, а не развивались постоянно. Однако история человечества состоит из периодических миграций; каждая культура - результат столкновений между разными народами. Так что, именно способ идентификации культурных отличий нуждается в постоянном обогащении.

К тому же у нас ложное понимание того, как идентифицировать свою индивидуальность. Мы верим в то, что у нас одна индивидуальность, на самом деле ее можно определить различным образом. Например, я человек, я мужчина, я француз, я христианин и я католик. Каждый из нас отдает предпочтение различным аспектам идентифицирования своей личности, так я мог бы сказать, что прежде всего я христианин, а потом уже француз, что прежде всего я человек, а затем - мужчина и т.д.

Я тоже ограничен и не могу вместить в себя полностью всё человеческое. Даже Иисус Христос не мог этого сделать: Он был мужчиной, а не женщиной, Он вмещал в себя половину человеческой природы. Так что если мы хотим обладать всей полнотой человеческой природы, мы должны признать необходимость обогащения себя другими, а такой подход не оставляет места большой части недоверия и страхов.

Столкновение с иной культурой неизбежно смущает и тревожит нас. Каждое общество создало свою систему объяснения окружающего мира, что позволяет нам осознать свою индивидуальность и понять смысл своего существования. Но не каждое общество постигло идеи о начале мира или представление о Боге, но и постижение Бога не одно и то же у всех. У каждой культуры своё представление о личном и общественном. Так что когда мы сталкиваемся с другими обществами и иной системой мысли, мы теряемся и пугаемся, потому что ощущаем опасность потерять свою убеждённость.

В наше время многие общества находятся в таком положении. Если можно быть человеком, не только будучи белым и католиком, но так же и будучи чёрным и мусульманином, что тогда значит быть человеком? Если Бог обращался к пророку Магомету так же, как и к библейским пророкам, если Он воплотился в Иисуса Христа, то тогда кто Бог? Почему все эти описания и представления так различны?

Единственным способом избежать самоуничтожения этими противопоставлениями является признание того, что я не обладаю всей истиной. Это не означает, что я отказываюсь от того, во что я верю больше всего, но это значит слушать, что может предложить другой человек, что позволит мне обогатить свои представления.

С моей точки зрения, будущее всего мира зависит главным образом от диалога между различными верованиями. В настоящее время происходит рост фундаментализма во всех религиях: во всех христианских церквах, исламе, иудаизме, в некоторых странах - даже в индуизме и буддизме. Эти фундаменталисты только подливают масло в огонь, поскольку они апеллируют к эмоциональному и трансцендентному, а также позволяют говорить: «Наш Бог - за нас, на нашей стороне». Но если различные религии вступят в диалог вместо подливания масла в огонь, они сумеют пролить бальзам на раны.

Столкновение с другими культурами, как и все человеческие взаимодействия, не проходит безболезненно. Мужчина и женщина становятся постоянной парой благодаря тому, что идут на постоянные уступки. Я полагаю, что посредством готовности идти на уступки, а также признания того, что мы не всегда сумеем понять друг друга, наши разнообразные культуры и народы - вместе смогут улучшить этот мир.

Об авторе: Отец Делорме, Франция, организатор экуменической гуманитарной группы SIMDE. ■

В ОСВЕНЦИМЕ КОНЧИЛАСЬ МОЯ НЕНАВИСТЬ

Польские изгнанники Анеля Степан со своим мужем Ольгердом рассказывают о себе в записи Майкла Смита

Когда Папа Римский Иоанн-Павел Второй посетит через месяц польский город на реке Пшемысль, миллион советских граждан пересечёт границу Украины, чтобы услышать его. Никогда ещё так много советских людей не собиралось послушать польского Римского Папу, который собирается главным образом говорить о том, как необходимы духовные ценности, чтобы излечиться от враждебного национализма между различными европейскими народами.

Один из ведущих деятелей-мирян польской католической церкви Англии, Ольгерд Степан, со своей женой Анелей особенно остро переживают предстоящее событие. Они оба выросли в той части Западной Украины, которая входила тогда в состав Польши, жители которой составят основную аудиторию Папы Римского. Они помнят те места как богатый, холмистый, сельскохозяйственный край с широкими реками, украшающими пейзаж, но куда они не могли вернуться после 1940-го года. Вторая мировая война лишила их родины, хотя ничто не могло никогда отнять у них любви к ней, навсегда изменив их судьбу. Для них предстоящий визит Папы Римского - символ залечивания горькой памяти войны, которую они испытали на своём опыте.

По сей день Анеля с болью вспоминает те годы и неохотно говорит о них. Для немецких самолётов мы были живыми мишенями в их тренировке: обстрел людей, коров в поле. Города бомбили систематически, потери гражданского населения были огромными.

Вскоре после гитлеровского вторжения в Польшу советская армия, двигаясь с востока, захватила район, в котором жила семья Анели, 19-го сентября 1939 года. Её семья, крестьяне среднего достатка - мирно уживались со своими украинскими соседями. Но когда разразилась война, вспыхнул острый национализм; когда однажды среди ночи появились вооружённые украинцы в поисках её отца, 15-летней Анеле стало ясно, что в этих местах у них нет будущего.

Затем в феврале в 5 часов утра к ним явились сотрудники НКВД с обыском, продолжавшимся 5 часов. Нам сказали, что мы слишком богатые. Наше положение противоречило советской системе. Они объявили, что нас выселяют на 25 лет. Нас отправили на станцию и погрузили в теплушки.

В каждый вагон погрузили по 65 человек, туалетов там не было, взамен - одно ведро. Первым делом мой отец проделал дырку в полу. Их доставили для принудительного труда в тайгу на севере России. На протяжении всего трёхнедельного пути всей семье приходилось спать на дощатом настиле 2 метра шириной, их кормили через день, питание состояло из хлеба, кипятка и тех продуктов, которые было разрешено взять с собой; три раза за всё время давали горячий суп. Последние 130 километров они проделали на санях в жестокий мороз порядка -40 градусов.

За последующие шесть месяцев в СССР было отправлено таким образом 1.5 миллиона поляков, т.е. 10 процентов населения Польши. По мнению Ольгерда, это давало Сталину возможность закрепить свой политический контроль над Польшей и снабдить глухие углы России дешёвой рабочей силой.

Его тоже выслали в возрасте 15-ти лет в апреле 1940 года в район Казахстана, расположенный в 100 километрах от китайской границы. Нам повезло больше, чем Анеле, уже была весна. За четыре месяца до того его отец, городской архитектор Львова, был арестован органами НКВД, больше Ольгерд его никогда не видел. Он уже был больным человеком и скончался в заключении в СССР. Как ни странно, Анеля никогда не испытывала ненависти ни к русским, ни к украинцам, в то время, как её не покидало острое негодование по отношению к Германии как заклятому врагу. В тайге я увидела, что русские страдали при Сталине не меньше, чем все остальные. В течение её пребывания там украинские работники с фермы её отца присылали ей посылки с продуктами, которые помогли ей выжить.

Вторжение Германии в июне 1941 года в СССР привело главу польского правительства, генерала Сикорского, к заключению соглашения со Сталиным, в руках которого находилось столько его соотечественников. Подписание соглашения привело к союзу польской армии с советской властью и к амнистии польских граждан, находившихся тогда в СССР.

Анеля немедленно отправилась на юг, где формировалась новая польская армия, чтобы присоединиться к ней. Сборы проходили неподалеку от Каспийского моря с намерением отразить попытки гитлеровской армии захватить контроль над нефтяными базами на севере Ирака. Однако, поляки вряд ли представляли собой боевой состав. Слишком многие из них страдали от истощения, а советские отряды уже уничтожили

примерно 15 тысяч польских офицеров.

К тому времени восемнадцатилетняя Анеля стремилась вступить в состав польской армии, но её сочли слишком слабой и отправили учиться в Палестину. Поступив в Американский университет в Бейруте, она встретила Ольгерда, который прибыл туда для изучения архитектуры. В Пасхальное воскресенье 1945 года они впервые взглянули друг другу в глаза. Их свадьба состоялась накануне нового 1946 года в Бейруте, там же родился их первый сын Казик. Поскольку там больше не было безопасно оставаться после основания государства Израиль в 1948 году, а вернуться на родину, которая стала по Ялтинскому соглашению, частью советской территории, они не могли, в 1950 году они осели в Лондоне.

Ольгерд прибыл в Лондон с твёрдым намерением забыть свои польские корни. Я хотел быть просто европейцем, космополитом. Но поначалу их жизнь складывалась нелегко - его французский диплом не признавали, он обошёл свыше 50-ти мест, безуспешно обращаясь за работой; он работал носильщиком на вокзале до сдачи экзаменов для получения возможности работать архитектором. В конце концов, в 1961—м году, он стал архитектором в Министерстве просвещения, где и проработал всё последующее время. Его отец разработал новый подход к проектированию школьных зданий, таким образом, работа для молодого поколения привела его к гармонии профессиональной духовной жизни.

Подавление в 1956 году венгерского восстания советскими танками совпало с днём его рождения: Мы предполагали, что будем праздновать, но вместо этого мы плакали. Я был удивлён остроте своих чувств, но осознал, что это и есть моя подлинная сущность. Всю жизнь я принимал решения сам, но две вещи были даны Богом: тот отрезок истории, когда я родился, и тот язык, на котором говорила со мной моя мать. Я осознал свой долг исполнить выбор Бога и не жить как эскапист, избегая действительности, но оставаться с моей культурой и моим народом.

Будучи беженцем, он почувствовал ещё острее необходимость беречь свои корни, особенно перед лицом решительной борьбы с бесчеловечной системой... Это не столько было вопросом защиты узкого национализма, который может быть весьма нетерпим, но и желанием вернуть человечеству долг за мое рождение на этот свет. Он почувствовал призвание стать голосом угнетённых и преданных.

Пережитое привело к его активному сотрудничеству с Польским Институтом Католической Деятельности. Он был его председателем с 1968 по 1986 год. Мы были уполномочены Кардиналом Вышинским представлять польскую общественность во всей Западной Европе. В таком качестве он был членом небольшого комитета ведущих католиков, который подготовил визит Папы Римского в Англию в 1982 году. В 1965 году их сына Казика поразил рак позвоночника, развилась пневмония, он был на пороге смерти. Неожиданно температура упала, и доктор, несмотря на то, что у него не оставалось никакой надежды, поддержал Степанов в намерении отправиться с Казиком в Лурд. Там он сел в кровати, начал с аппетитом есть, а затем встал и пошёл. Это произошло в день гибели жертвы концентрационного лагеря, св. Максимилиана Кольбе, с которым Степаны чувствовали особую близость.

Чудесным образом они верили в окончательное излечение Казика. Анеля описывала, как её душа воспела, когда доктор сказал, что это представляет собой важнейший момент во всей его медицинской практике.

Болезнь Казика оказала глубокое воздействие на Ольгерда. До тех пор, признаётся он, он завидовал вниманию и любви, которыми Анеля окружала своих четверых детей - за счет него, как он ощущал. Как реакция на это, он стал слишком требователен по отношению к Казику. По мере роста его беспомощности, Ольгерд должен был научиться служить ему, ухаживать за ним.

Теперь он видит в изменении своего отношения к сыну аналогию с теми, кто знали лишь требования, которые предъявляет тоталитаризм. Годами государство манипулировало людьми, как он сказал, ради дела, оказавшегося ложным. Нам необходима совершенно другая модель человеческих отношений, такая, как служение друг другу.

К этому он добавил, что первые церкви выросли из общин людей, любящих друг друга; они оказались сильнее Римской империи. И если сегодня рушится советская империя, то он молится также и за их обращение через влияние таких общин. Он видит в движении Моральное Перевооружение с центром в Ко силу, которая может сыграть определённую роль в этом процессе.

Выступая в прошлом году на конференции, посвященной отношениям Восток - Запад, он призывал к залечиванию моральных последствий Ялты, т.е. деморализации людей, которые не менее разрушительны, чем экономические последствия тех соглашений.

Два года тому назад Анеля впервые вернулась в Польшу с тех пор, как её вывезли. Священник настаивал на том, чтобы она посетила Освенцим, где погибло сотни тысяч её соотечественников. Поначалу она отказывалась, её пугало зло, воплощённое в концентрационном лагере. Однако священник настаивал. Она описывает свой опыт, что она испытала, приглушённым голосом, почти шёпотом:

После всех этих лет это так же ужасало меня. Священник подвёл меня к стене смерти. Мы видели гору брошенной обуви, гору сбритых волос. Внезапно я увидела всю историю. Я почувствовала, что должна вырваться отсюда, в то же время не могла двинуться. Я была парализована.

Напротив стены смерти стоит огромный крест на том месте, где публично вешали. Я повернулась и увидела эти казни. Я чувствовала себя, как Христос, совершенно разбитой. Я так испугалась ненависти к немцам, которая сидела во мне. Они были для меня символом самого худшего зла, которое было организовано в таком массовом масштабе, что казалось невероятным.

И я закричала: Боже мой! Боже мой, помоги мне! Неожиданно я увидела раскинутые руки Христа и услышала Его слова: Отец, прости их, ибо не ведают они, что творят. Слова повторялись вновь, а затем - Я умер за них. Я умер за них. Для меня это было величайшей победой, не моей, но Его. Из совершенно разбитого человека я превратилась в совершенно новую личность. В этот момент, когда я осознала, что рождена заново, я испытала такую благодарность Богу, которая была ошеломляющей. Но что было более важно, это то, что у меня больше не осталось ненависти. Теперь я молюсь за немцев каждый день.

Ольгерд Степан думает, что в это время, когда тучи тоталитаризма рассеиваются на Востоке, возможна опасность того, что люди устремятся к гедонистическому материализму или что вместо провозглашения доброты Бога, начнут возникать проявления крайней ненависти национализма. Те примирения, о которых в будущем месяце Папа Римский намерен молиться в Пшемысле, потребуют также милость Божью, подобную той, что испытала Анеля в Освенциме, а может, и больше. Источником этой милости, сказал Ольгерд, един для каждого человека. ■

Заказ 1403. Тираж 25 000 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов Московской
типографией № 5 Министерства печати и информации
Российской Федерации